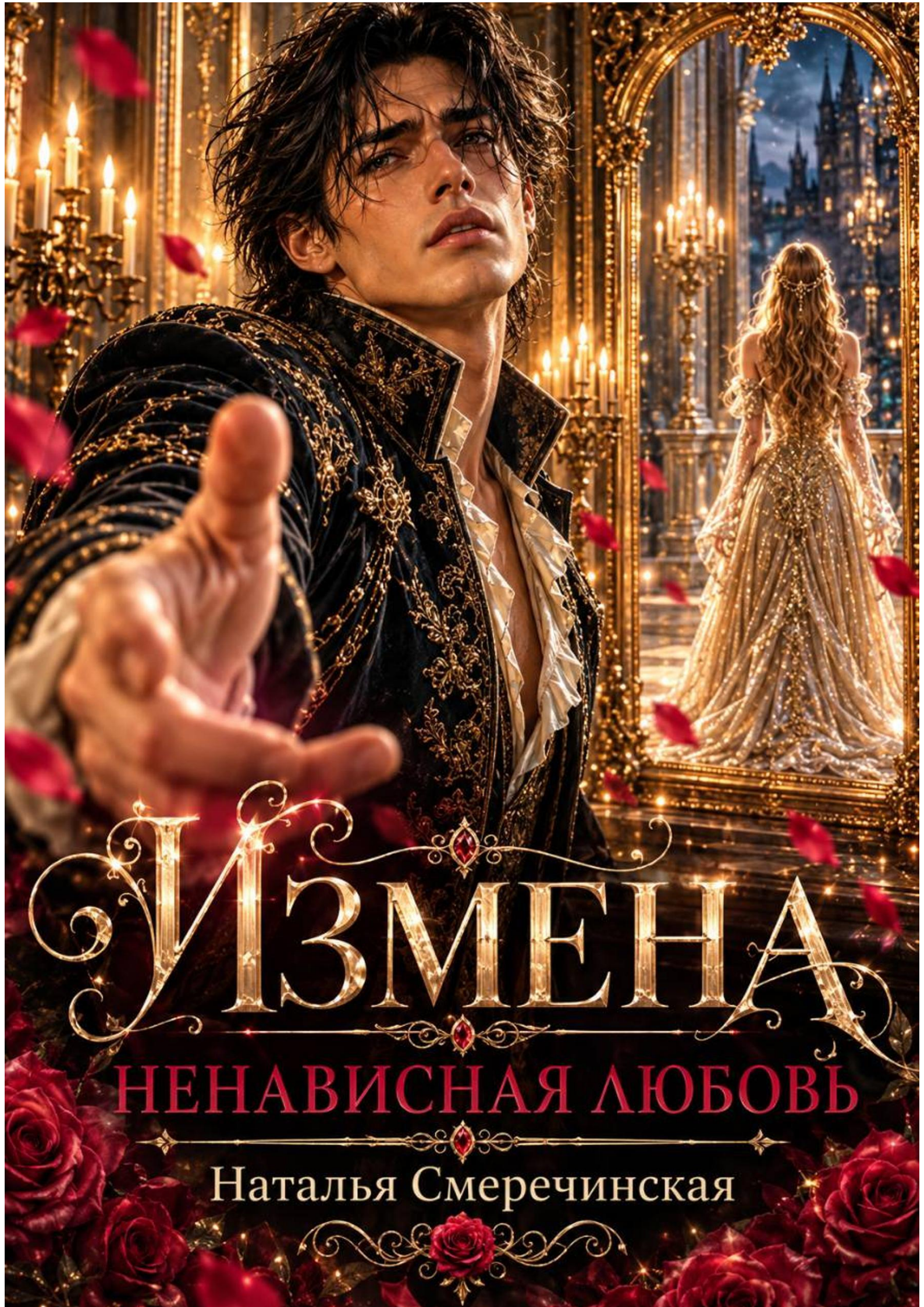

ИЗМЕНА

НЕНАВИСНАЯ ЛЮБОВЬ

Наталья Смерчинская

Наталья Смерчинская

Измена. Ненависная любовь

«Автор»

2026

Смеречинская Н.

Измена. Ненависная любовь / Н. Смеречинская — «Автор», 2026

Деваха? Уродина? Деревенщина? Как он только меня не называл. Но кто сказал, что люди не меняются? Особенно после смерти от рук истинной пары. Даже не так, после нескольких смертей. О, я усвою каждый урок, что преподнесет мне бесчисленное количество жизней. И вернусь к надменному дракону, чтобы отомстить! А может и нет... Вот такие мы, женщины, неожиданные и непредсказуемые. Дорогие мои, книга скоро станет платной

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Смеречинская

Измена. Ненависная любовь

Глава 1

Женщинам в нашей семье всегда не везло в любви. Люди не стеснялись шептаться за спиной очередной Маккейн, обрядившейся в чёрное.

— Вот ведь непутевые. Не знать им счастья никогда.

Неизвестно, что руководило местными сплетницами. Банальное человеческое любопытство или та же человеческая зависть, несшая факты из жизни рода Маккейн бурным потоком, попутно смешивая их с грязью. Но кое в чём эти чёрные на язык кумушки были правы. Любовь в нашей семье приносила одни только несчастья.

Взять хотя бы мою прабабку и её бравого кавалериста. Любовь сразила юную горожаночку наповал, стоило ей только увидеть... Нет, не моего деда, а какого-то усатого, залётного офицера, которому она слишком усердно махала рукой и слала воздушные поцелуи.

Вояка оказался очень галантным и вежливым кавалером. И в силу своей вежливости не мог не найти восторженную девушку со смазливым личиком и как следует отблагодарить её на сеновале за такой тёплый приём.

Там их и нашёл мой молодой, но уже уверенно рогатый прадед и показал обоим, что они неправильно понимают словосочетание «тёплый приём».

Как результат, вежливые любовники были отправлены в могилу соединившими их навечно обыкновенными крестьянскими вилами, а прадед грустно поковылял на виселицу, оставив после себя новорождённую сироту. Мою бабку.

Как вы уже догадались, и здесь всё пошло не гладко. Правда, бабуля была жива и здравствует поныне. А вот дед оказался в семье слабым звеном.

Бедную сиротку вырастили дальние родственники, даже не представляя, что вместе с любвеобильностью почившей матери девочке передастся взрывной характер отца. Это поначалу семья родственников пыталась делать из бедняжки жертву и всячески притеснять. Но стоило бабке подрасти и выучить хотя бы пару слов, как погода в доме начала меняться. В бабкину сторону, конечно же.

В итоге родственники начали побаиваться жёсткую и склочную приживалку, что держала их в ежовых рукавицах, а та рассудила, что нечего далеко уходить. Новую семью воспитывай ещё, а тут всё готовое. И выскочила замуж за своего четвероюродного брата. Сына тех самых родственников.

Тем более что дед оказался на редкость красив и интересен. Так интересен, что им продолжила интересоваться вся женская половина города даже после его скоропалительной свадьбы. Как итог, бабка лютовала несколько лет, десятка два не больше, да и отравила сластолюбца-сердцееда по-тихому.

Ну, это, конечно же, додумали соперницы, невзлюбившие законную жену и ревнивицу, но репутация за бабкой укрепилась, делая её ещё мрачнее. Вот в таком нехорошем свете и зажглась звезда моей матери, единственной дочери в шумном и сварливом семействе.

Она оказалась помягче и поспокойнее бабки, но, к сожалению, на её судьбе это сказалось исключительно трагически. Единственная попытка бунта произошла в шестнадцать лет, когда мама сбежала с полюбившимся ей рыжим сыном трактирщика. Нет, твёрдая длань бабки их всё же настигла, но ровно на одну страстную брачную ночь позже, когда уже ничего нельзя было изменить.

И вот мама с вашей покорной слугой в животе перекочевала в трактир, где оказалось, что папаня больше заглядывается в бездонный стакан, чем в бездонные синие очи мамани.

Ему бы жёсткая рука, да, как помним, у матери был характер тихий и покладистый. А бабка, привселюдно отрёкшись от загулявшего дитятка, уже не могла взять слова назад и развернуть свою твёрдую длань в сторону непутёвого зятя.

Вот так и получилось, что папка пил и периодически поколачивал мать, да и меня заодно. Если мог поймать. Ведь вскоре выяснилось, что я, Доротея Лорус Макклеин, бегаю не хуже того же рысака. А вот папаня нет. Особенно когда пьяный и особенно когда при падении приложится головой обо что-то твёрдое, по типу камня.

Так что, когда мне было двенадцать, очередная женщина Макклеин обрядилась в чёрное. А что же я, спросите вы? Я ничего. За папку совесть немного погрызла, да и отпустила. Я ж не виновата, что он нормально бегать не умел под мухой.

Да и некогда мне было горевать. Дел в захудалом трактире матери было невпроворот, особенно когда рядом с ним открыли новенькую дорогу на столицу. Уж как мы радовались, как ручки потирали. Даже бабка после этого объявилась, обещав простить блудную дочь. Ведь всем известно, что трактиры больше всего денег приносят те, что у дороги стоят. А наш был как раз такой, у самёхонького краюшку. Вот мы и радовались, даже не представляя, что принесёт нам эта дорога.

Но я теперь не переживаю. Я, в отличие от прабабки, бабки и мамки, везучая в любви. Я теперь самая что ни на есть настоящая истинная пара дракона. А они своих баб не обижают. Любят до потери пульса и не изменяют никогда. Так что я просто счастливица вдвойне. А если вспомнить, что мой Эвиан ещё и герцог, так вообще завопить хочется. Что, собственно, я и сделала, повиснув на шее у своего избранного, как только узнала эту сногшибательную новость.

Нет, так-то Эвиан ни о какой паре не помышлял, отправляясь в долгий путь по новоиспечённому тракту по каким-то своим важным герцогским делам. Но на его великое счастье кобыла под ним захромала, да и день выдался жарким. Вот и решили важные господа, среди которых и был мой суженый, в трактире нашем остановиться. Горлышко смочить, коней поменять.

А тут я, мамкина помощница, да герцогская радость. Сели, значит, гости за стол, а мой Эвиан сразу на меня глазками глядь. А глазки у него, девочки, ой! Загляденье просто. Чистые изумруды!

И сам он такой важный да красивый. Волосы что крыло у ворон, а лицо белое, как будто солнышка он не видит, но красивое до жути. А фигура статная, широкоплечая. Так и захотелось обе руки на эти плечи закинуть да на статной фигуре повиснуть.

Только вот бабка всё испортила. Толкнула меня в бок да и говорит:

— Чего рот раскрыла да слюной капаешь? А ну брысь дровосекам дичь подавать!

Какие дровосеки, когда здесь такой красавчик? Но с бабкой не поспоришь, себе дороже — старшую Макклеин не слушаться. Пришлось слюну стирать с подбородка да и идти к этим самым дровосекам.

— Мы уходим! — вдруг послышался громкий приятный голос. До дрожи приятный, аж коленки подсекает.

— Ох, куда ж вы, милостивые государи? — закудахтала бабка, теряя важных и явно богатых клиентов. — У нас и рябчики вкусные подоспели, и эль свежий, и булочки.

Услышав про эль, свита просительно уставилась на моего красавчика, но тот упрямо покачал головой и пошёл на выход.

Куда ж ты, соколик! Пришёл, сердце девичье взбудоражил да и бежать? Нет уж, на фигуре твоей я повишу, хоть минуточку, хоть секундочку. И пусть меня потом бабка ругает или даже накажут, что к благородному полезла, но я буду не я, если не урву кусочек мечты.

Поэтому, бросив дичь на растерзание дровосекам, я поспешила наперерез красавчику, ни капелюсочки не сомневаясь в правильности решения.

Он меня видел, но ему даже в голову не пришло, что девица может споткнуться на ровненьком, как стёклышко, полу и полететь на него, сердешного.

А я, не будь душой, все свои мечты осуществила. И ручки на плечи закинула, и к телу стройному прижалась. Ох, как он пах! Никакие маменькины булочки и в сравнение не идут. Только носом запах втянула да и пропала. Ой, всё, не видеть мне теперь ни сна, ни покоя! Сердце забилося, вот прям в ту ж минуту почувствовала, что мой он.

Как у прабабки с кавалеристом, а то и похлеще.

А дальше и вовсе странности пошли. Ручки мои, на шее у соколика моего повисшие, засветились, как ёлка в центре нашего городка на Новый год. И там узоры красивые пошли, зелёненькие! Ну точно как глаза Эвиана. Да и у него то же самое случилось. Ведь руки он поднял, чтобы меня обнять — точно вам говорю, что обнять хотел, а не сбросить, — да так и застыл на месте, простонав от счастья:

— Нет!

Что-то бледненький он на радостях. Но, с другой стороны, не каждый день пару свою истинную удаётся найти. Вот в шоке, касатик, в удачу свою поверить не может.

— Да! — завопила я, прекрасно понимая, что эти узорчики красивые значат. Ну вот и случилось! Наконец-то хоть одной Маккейн повезло в любви.

Ой, что тут началось! Шум, гам, суета! Все заговорили разом. Свита не то поздравляла, не то спрашивала — что-то я так и не поняла. Бабка счастливая охнула, да так и на лавку села.

Народ сбегался и давай в нас пальцами тыкать. Даже мамань с кухни выскочила и реветь начала от счастья, что единственная кровиночка такую удачу поймала.

И только герцог мой молчал да смотрел. Смотрел, и в глазах его, ставших огненными, такой шторм был, что даже меня огнём обожгло.

А потом руки мои, сняв с шеи, сказал:

— Собирайся! — да и вышел из таверны.

Я лишь глазами похлопала, а потом подумала. И правильно, что мужик суровый такой при людях. Авторитет свой поднимает. А вот дома-то, в спальне, можно жену и приглубить, и приласкать, и слово тёплое, точно парное молоко, выдать.

Поэтому не стала я перечить и быстренько вещи собрала, да и с мамкой, бабкой наобнимавшись, к суженому своему пошла.

— Дорка, ты это... Нас не забывай-то. Мне б с крышей подсобить!

— Да... Мы ж соседи, Дорка, замолви словечко перед господами.

— Дорка, подруженька, а на свадьбу позовёшь?

Послышались со всех сторон просьбы от соседей да знакомых. Но я нос задрала да и иду себе молча, а бабка на них шикает да приговаривает:

— Какая она вам Дорка? Доротея. Видите, голота, что за благородного внучка замуж идёт. Сгиньте отсюда, чтобы духу вашего не было.

Оно и правильно. Жизнь-то новая у меня теперь будет, сладкая, что тот мёд. И не пристало госпоже такие знакомства водить.

К стойке подошли, а там уже и кони осёдлые. И милый мой стоит, кобылу по морде гладит, а сам мрачный. Играет на публику, значит.

Я улыбнулась ему, так что щёки аж подпрыгнули, а он отвернулся и, вскочив на коня, приказал одному из людей своих, на меня кивнув:

— Возьми к себе!

Вот тут мне не понравилось. Не дело девушке порядочной с кем-то другим ехать. Только с женихом! Но жених мой, не дожидаясь возражений, как пришпорит коня, да как полетит вперёд. Только пыль и поднял, да так неудачно, что и я закашлялась.

— Ну что ж, садись... госпожа, — сказал это сопровождающий. Да с такой противной улыбочкой, что враз его чем-то тяжёлым огреть захотелось.

А я и могу! Это я с бабкой смирная, и то не всегда. А так характер у меня сильный да рука тяжёлая. Точь-в-точь как у прадеда моего, рогатого.

Но ладно, пока не женился, норов свой я придержу. А то невесте положено быть скромной да смирной.

Вот и я смирно вложила руку свою в протянутую ладонь. А этот, наглый, как подбросит меня, да и разом себе за спину усадил. Я даже охнуть не успела. Вот это да! Ну и силища у этих драконов. Я так вовсе не тростиночка, а он меня как пушинку.

А потом тоже с места сорвался да понёсся вперёд.

Я только и успевала, что держаться крепче за куртку своего сопровождающего и пыль глотать. А как страшно было-то!! Неслись мы так, будто за нами черти, тьфу ты, демоны гнались.

Но был в этом и плюс. До дома моего суженого добрались мы быстрее ветра. Ах, что же это был за дом! Под стать хозяину. Пышный величественный замок с башнями да мостом деревянным. Я только диву давалась да, забыв о пыли, рот открывала. Ох, и хорош он был.

Наша таверна хоть и недалеко от столицы стояла, но я такую красоту нечасто видела. Мамка меня не любила в город возить да местные замки с поместьями показывать. Мы всё больше по рынкам и по драконьим храмам бегали у Драконьего бога просить. Он ведь не только детьми своими заведует, но ещё и торговцами. А мы с маменькой чем не торговый люд. Да и дорогу к нам провели после того, как мы в храм этот молиться сходили.

А теперь вот и у меня в женихах дракон. Так что не зря мы все пороги драконьей святыни оббивали.

Пока я рассматривала богатство дома будущего мужа, мой дракон и его свита остановились.

Красавец-жених спрыгнул с коня раньше всех и собрался уходить. Эй, куда? А я? Дракон, с которым я ехала на одной лошади, разделял мое недоумение.

— Ваша светлость, а что делать с девушкой?

Жених остановился, но, так и не обернувшись, бросил важному дедку, что выскочил на крыльцо и согнулся в поклоне:

— Девицу в гостевые!

Чего это в гостевые? Какие это гостевые? Нет-нет, я на такое не подписывалась!!

— Я не хочу в гостевые, — пробормотала себе под нос, но жаловаться было уже некому. Милый исчез в замке, даже не оглянувшись.

Ой, что-то тут не то!

— Слезай! — меня грубо пихнули, и я тут же возмутилась.

— Хам! Кто ж так с невестой хозяина разговаривает?!

— Это ты-то невеста? — дракон даже обернулся, чтобы мне было лучше видно его удивлённую рожу.

— Я! — подтвердила, гордо вскинув подбородок. — А кто ж ещё, как не я?

И сунула под нос этому наглому свою руку, где уже вполне себе прижился красивенький узорчик. Но этот юродивый только глазёнками на меня луп-луп, а потом как засмеётся, что я чуть с лошади не свалилась. Отпрянула и ну слезать! А то вдруг он чем заразным болеет? Мне сейчас хворь подцепить никак нельзя, у меня свадьба.

— Да ты сбрендила, девка! — громко проговорил провожатый, наблюдая, как я задом съезжаю с лошади, и даже помощь не предложил. — Кто ж тебя, деревенскую, замуж за лорда пустит? Да ещё и с таверны?

А вот это уже было обидно. Ну и что, что с таверны? Я девушка честная и всем охальникам всегда отворот-поворот давала. Да и бабка приглядывала, жалуясь на слабые гены. Чтобы я, не дай бог, до свадьбы ни-ни.

А что до того, что деревенская. Так у нас же любовь истинная, богами подтверждённая. И женится он на мне, и детки у нас будут, и счастье полный дом. Вот этот, кстати!

— Вот увидишь! — заявила я, опуская задравшееся платье и задирая нос. — Женится он на мне!

— Как же женится! — снова расхохотался противный дракон, привлекая всё больше внимания к нашему разговору. — Да я готов буду вот эту сбрую самолично съесть, если наш сиятельный герцог женится на такой оборванке, как ты.

— Ну тогда не ужинай сегодня, — посоветовала я зубоскалу. — Чтобы места для сбруи в желудке хватило!

И, больше не обращая внимания на этого неуча, пошла к дедку. Обязательно поговорю с Эвианом, чтобы он его наказал. А то вишь моду взяли над хозяйской невестой смеяться. Непорядок!

Дедок явно был из важных слуг и смотрел на меня неодобрительно, поджав и так тонкие синеватые губы. Глянь, строгий какой, ну точно дворецкий.

— Следуй за мной! — сказал он и повёл меня внутрь замка.

Ох, до чего же он был красивым, этот замок. Всё в позолоте и блестит. А зеркал немерено. И бабы срамные каменные по всем углам растыканы: то ли полностью голые, то ли наполовину. Я лишь покачала головой, пообещав себе, что такого добра в нашем доме не будет.

Хватит! Это холостому можно, а женатый только супружницей должен любоваться.

Сколько ж всего обсудить-то надо с моим касатиком. И свадьбу, и порядки, и родных моих переезд. Я уж всё решила, что нечего мамане с бабушкой в нашей таверне убиваться. Пусть продают её да переезжают ко мне поближе. Будем в замке жить не тужить и чай гонять. Только б жениха милого поймать да обговорить по-свойски всё.

— А когда я смогу увидеть Эвиана? — решив брать быка за рога, спросила своего провожатого.

Тот аж споткнулся, бедолага. И чего, спрашивается? Дворецкий обернулся ко мне и, пройдясь сердитым взглядом, сказал:

— Его светлость, герцог Росс, занят! Когда нужно будет, он сам тебя позовёт.

Занят? Это он для вас занят, а для голубки своей, меня то бишь, он всегда время найдёт. Но, правильно рассудив, что лучше с ним все серьёзные вещи обсуждать только после сытного ужина, решила не давить на дедка. Всё-таки сытый мужик — это добрый мужик. Да и мне чего в рот кинуть не помешает. А то я, пока на раздаче бегаю, так и времени нет даже маковую росинку в рот забросить.

В это время дедок поймал пробегающую мимо служанку и приказал меня в гостевые комнаты отвести. Девка перед дворецким в реверансе присела, а когда тот отошёл, такой взгляд на меня кинула, будто королевишна она тут, а я шваль подзаборная.

— Идём, — бросила она мне и пошла не оборачиваясь.

Ты смотри, какая гонористая! Ох, распустил ты свою челядь, Эвиашечка, ох и распустил. Но ниче, мы и служанок в список дел внесём. А пока пошла я за ней, глаза по коридорам.

На портреты дам да кавалеров разряжённых. Ох, и роскошь, ох и блажь! Но портреты постепенно закончились, да и красота стала не такой... красивой, что ли. Коридор выглядел победнее и помрачнее, чем те, что мы проходили до этого.

Ну да ладно, подбодрила я себя. Это пока, на этот вечер, а дальше касатик мой справит женке настоящие хоромы. Хотя и эти неплохи!

— Входи давай! Чего встала? — распахнула служанка двери, и я застыла от увиденного. Такая красивенькая спальня оказалась. И просторная, наверное, с весь наш трактир размером будет. Всё такое красивое и голубое. Ух, зря я жаловалась! Как королеву меня касатик поселил.

Глубоко вздохнув, я уже начала заходить в комнату, но тут, увидев, что девица собралась уходить, схватила её за руку.

— Подожди! А где бы мне поесть? — спросила её, но та лишь недовольно выдернула руку.

— Про ужин для тебя никто ничего не говорил, — и снова собралась уходить.

Ну это уж ни в какие ворота!

— Как это не кормить! Меня?! Невесту хозяина не кормить! Веди меня сейчас же к Эвиану!

Лицо девицы вытянулось от таких речей, а потом она сказала:

— Да ты больная! Юродивая! Какая из тебя невеста герцога! Посмотри на себя, нищенка!

— Ах так! — вот тут уж я вскипела и, подняв руку, показала негоднице свою парную вязь. — А это ты видела! Смотри, кого нищенкой называешь! Быстро у меня с места вылетишь!

Служанка шокированно рассматривала вязь, пытаясь осознать свершившийся факт.

— Не может быть! — поражённо проговорила девица.

— Ещё как может! — самодовольно кивнула я. — Вот сегодня появилась, и Эвиан сразу же меня забрал к себе в замок. А вскоре и вовсе женится.

— Но почему ты? — продолжила бормотать служанка, не отводя глаз, что постепенно наполнялись слезами. — Деревенщина! Даже не благородная дама!

— Но-но, — погрозила я ей. — За языком-то следи! Боги тех, кого надо, соединяют истинной связью. Значит, будет между нами любовь большая, и стану я хозяйкой здесь. Так что ты смотри мне, я ж и разгневаться могу.

— Вот как, — слёзы мгновенно высохли на глазах девицы, и у неё появился нехороший прищур. — Простите, госпожа, не признала.

Присела она в таком же реверансе, что и перед дворецким.

— То-то же, — благодушно сказала я, довольная первой маленькой победой. — Так что там с ужином?

— Всё сделаю, госпожа! — закивала как болванчик девица. — Вот только... Вы же хозяина хотели увидеть, не так ли?

— Да! — обрадовалась я. — Знаешь, где он?

— Конечно, госпожа, — проворковала служанка. Глянь, какая покладиста стала: как мой знак увидела, так и подобрела. — Правда, к нему лучше пойти сейчас. А то он на ужин обычно не остаётся. По делам государственным уезжает. Так что, если вы с ним поговорить хотели, то лучше это сделать сейчас.

Сейчас? О, я этому только рада!

— Конечно-конечно, — закивала я. — Пошли!

Нужно с женихом любимым поговорить. А то я уже и сердиться начинаю, а гнев для счастливой и долгой семейной жизни плохой советчик. Прадед не даст соврать.

Служанка и рада стараться. Снова повела меня мимо красивых коридоров да пышных портретов. В другую сторону от моей комнаты повела. И шли мы долго, я даже притомиться успела. Но вот поднялись по какой-то лестнице на третий этаж, и предстали пред нами две двери красоты невиданной.

Я уж собралась идти в самые большие и красивые, но служанка меня дёрнула и зашипела:

— Не туда... госпожа! Вот сюда!

Она ткнула в двери поменьше.

— Господин обычно закрывается, а вы через женские покои к нему и пройдёте. Там такая маленькая дверца соединяет его комнаты и эти.

— А что это ещё за женские покои у Эвиана? — нахмурила брови, впервые за сегодняшний день почувствовав, как гнев подступается.

— Так это... Покои бывшей матушки герцога, — замялась девица. — Я пойду, госпожа, прикажу вам ужин подать. И, пожалуйста, не говорите, что я вас сюда привела. А то герцог очень сердчает, если ему кто мешает... эм... работать.

— Не бойся, не скажу, — враз подобрела я, услышав о матери. Да, старших женщин нужно уважать, особенно свекровь. Лучше дружить, чем воевать, это всяк знает. — За помощь твою ещё и награду дам, как герцогиней сделаюсь. Пойдёшь ко мне в служанки. Мне верные люди тут нужны.

— Да-да, конечно, — заулыбалась служанка и радостно закивала. Эх, какая довольная да весёлая! Может, и правда первое впечатление обмануло и девка нормальная попалась.

— Пойду я... госпожа, — девица снова присела и поспешила прочь. Ну и ладно, пусть идёт. Дорогу теперь я и сама найду.

Открыла двери и по-хозяйски уверенно зашла внутрь. Ну даёт матушка моего будущего супруга. Вот это да! Спальня была не спальней, а целым домом внутри. Я тут комнат пять насчитала, не меньше. А какие они были, уууу! Явно магии вбухано немеряно. Всё золотистое, переливается. Сорока во мне застонала в экстазе и так захотела себе эту всю красоту прибрать.

Но я жёстко приструнила жадность внутри себя. Ничего, подождём, вот как касатик мой на мне женится, так я у него и себе такую комнатку выпрошу. Он же ради любимой женки не пожалеет ещё волшебства, правда же? Они ж драконы, что им стоит. У них и этой магии, и золота куры не клюют, а мне приятно будет.

Тут вдруг мои мысли прервал протяжный мужской стон из-за одной из маленьких дверей, что виднелась в золотой стене.

Мать честная, пока я, дура, тут стою, рот раскрыла, а касатику моему плохо там! Не раздумывая больше ни секунды, я рванула к двери и широко её распахнула.

Глава 2

Распахнула да так и застыла с открытым ртом, не в силах поверить в то, что вижу. Мой Эвиан, мой жених, моя пара!!!! Стоит со спущенными штанами и прелюбодействует сейчас с какой-то бледной крысой прямо на столе! И стонет ещё при этом, не замечая ничего вокруг!

Мои мозги отказывались обрабатывать картинку. Нееее! Нет, мне это снится! Я просто устала, перенервничала... Сейчас я закрою глаза, ущипну себя, потом открою, и ничего не будет.

— Ааах! — простонал чей-то тонкий женский голос в аккомпанемент с очень срамными звуками шлепков. — Дааа, любимый!

Какой к чёрту любимый?!!!!! Нет, ну всё! Доротея, возьми мужество в кулак и признайся себе, что ты видишь всё это на самом деле. Твой женишок сейчас охаживает...

— Ах ты кобелина! — завопила я и, отдавшись инстинктам, накинулась на спину дракона.

Я кричала и лупила его руками и ногами. Сладкая парочка была в таком шоке от поворота событий, что даже не подумала обороняться. Девица только завизжала и поползла по столу, свалившись на пол.

Дракон же только и успел, что повернуться и вовремя схватить летевшие скрюченные пальцы прямо в его глаза. О да! Я бы выпарапала эти глазюки, что уже начали загораться огнём, дай только волю. Да и вообще убила бы обоих на месте, не пожалев ни себя, ни их.

— Замолчи! — тряхнул меня Эвиан, отходя от шока. — Что ты здесь забыла?! Я же велел тебя в гостевые отправить!

— Я забыла? — ярость пеленой застила глаза. — Кобелину тебя забыла! Урод! Тварь!

Я попробовала вырваться и снова вцепиться в его лицо, но где там! Дракон меня держал крепко и даже не поморщился, когда я всадила ему носок в коленную чашечку.

— Замолчи! — повторил он, сгребая мои руки в одну ладонь, а второй хватая меня за горло и стряхивая.

— Да как ты мог! — вот тут уж и слёзы подоспели. — Я ж твоя истинная пара!

Белобрысая блудница, что уже успела выбраться из-за стола и кое-как прикрыть себя, ахнула. Да, вот так! Знай, тварь, на чей пирог покусилась.

— Ты не истинная пара, а проклятие! — зарычал на меня дракон, обдавая огнём. — Посмотри на себя! Жирная корова! Ты же никто, мусор! Деревенщина! Мерзкая девка из таверны! Да ещё и уродина к тому же. Я не знаю, чем я так провинился перед Драконом-отцом, что он наказал меня тобою. Даже смерть была бы предпочтительнее!

С этими словами он оттолкнул меня, и я повалилась на пол, разом растеряв весь свой пыл. Остались только слёзы!

— Но как же... — простонала я, — ведь я же твоя пара. Твоя невеста! Ты должен любить меня, и мы ведь поженимся...

— Ты ещё и тупая, — теперь к гневу во взгляде добавилось презрение и даже какая-то безгливость. — Я никогда и ни за что не женюсь на таком ничтожестве, как ты! Твой удел будет рожать мне драконов, сидя в каком-нибудь подвале с крысами, чтобы ни одна живая душа не вспомнила, что ты существуешь! А моей герцогиней и женой станет достойная...

С этими словами он обернулся к той распутной крысе и, взглянув с нежностью, протянул ей руку.

«Это она!» — промелькнуло озарение. — «Это из-за этой стервы Эвианчик не хочет меня принимать».

В это время белобрысая сучка откликнулась на приглашение и быстро подошла к МОЕМУ мужику, ласково прижалась к его боку, точно кошка мартовская.

Ну этого моя буйная кровушка выдержать не смогла! Где-то изнутри поднялось и забурило то чувство, что руководило прадедом, когда он увидел свою женушку в объятиях залётного кавалера.

Я резко вскочила на ноги и с криком «Он мой!» бросилась к этой твари с намерением стереть её в порошок. Выдрать все волосы, уничтожить препятствие между мной и Эвианом. А потом он одумается, да! И поймёт, что кроме меня ему никто больше не нужен.

Я уже была почти у цели и видела искажённое страхом лицо этой девки, когда воздушно-огненный поток врезался в меня, опалая брови и волосы, а также отбрасывая в сторону.

Полёт был очень коротким, я ничего не успела сообразить, только охнуть, как мой затылок врезался в что-то твёрдое и мозги взорвались страшной болью. Мир потемнел, и я просто распласталась на полу, застыв навечно сломанной куклой. Сердце ещё трепыхнулось, раздругой, и остановилось, освобождая душу от бремени земных оков.

Так и закончилась жизнь Доротеи Лорус Маккейн. В самый счастливый и одновременно несчастный день её жизни. В чём-то правы были черноротые кумушки, шепчась, что женщины рода Маккейн прокляты. Нам действительно катастрофически не везёт в любви.

Вот так впервые я и оказалась на Плато. Место, куда души попадают после смерти и ожидают перерождения, кардинально отличалось от того, о чём нам так вдохновенно вещали служители всех богов. Никакого света, пещеры, ворот, реки и прочего, прочего, прочего...

Моя душа оказалась на красивом горном склоне, окружённая чудесными изумрудными древними лесами, где воздух удивительно чист и царствует вечный рассвет.

В тот раз я недолго пробыла там, приходя в себя и любуясь природой. Открылась моя первая дверь, портал в новый мир и новую жизнь, куда я смело шагнула, решив, что хуже не будет, и снова родилась в новом мире. На этот раз это была Земля.

Мне повезло родиться в аристократической семье князей Мещерских. Несмотря на то что мать моя, Варвара Степановна, была особой вздорной и эксцентричной, малютку Марию (такое имя дали мне при рождении) всем обеспечивали. Когда я была маленькой, умер отец, и сдерживать вдову Мещерскую уже было некому. Она укатила в Париж, прихватив с собою годовалую дочь, и пустилась во все тяжкие.

Спасли крошку, то бишь меня, равнодушные родственники и вмешательство императрицы Марии Александровны. Княжну Марию Элимовну Мещерскую было велено вернуть в Россию и отправить в институт благородных девиц. Прямо оттуда я и попала в императорский дворец в качестве фрейлины вдовствующей императрицы.

Я совершенно ничего не помнила о своей прошлой жизни, но, похоже, что и здесь мне не суждено было вкусить прелести взаимной и долгой любви. Так уж случилось, что я привлекла внимание второго сына императорской семьи Александра, будущего императора Александра Третьего. Последовал бурный роман, что закончился не менее бурно. Стоило только Александру, ставшему наследником, обручиться, как мне указали на выход.

Было ли мне больно? Ещё бы! Ведь я искренне влюбилась в своего принца, и расставание с ним было для меня очень болезненным. В таком разбитом состоянии меня сосватали за секретаря Павла Демидова и быстро нас обвенчали. Паша обожал меня, и, возможно, я бы даже оттаяла рядом с ним, если бы не ранняя смерть при родах.

И вот я снова на Плато. Когда умираешь, воспоминания ото всех прошлых жизней возвращаются и меняют твою душу благодаря приобретенному опыту. Утонченная аристократка Мария Элимовна Мещерская искренне ужаснулась логике и поведению Доротеи Лорус Маккейн, но долго убиваться мне не дали, ведь впереди ждала новая жизнь.

Это была планета Озора. Там жили человекоподобные гуманоиды и была очень слабо развита технология. Больше я не смогла вытащить никакой информации из своих воспомина-

ний. Так как стоило мне, крошке, родиться и выпасть из какого-то стручка, чем-то напоминающего горох, как меня тут же сожрала пробегающая мимо рептилия.

Потом снова Плато и новый мир. На этот раз я родилась в мире эльфов. Светлых и темных дроу. Я была дочерью воина светлых и оказалась очень ценным товаром, когда дроу напали на наше селение. Еще бы, отомстить врагам, выходящим против них с оружием. Мать и меня, пятилетнюю пигалицу, увели в плен и тут же разлучили. Только когда подросла, я поняла, какая ужасная участь ждала мать. Но гордая эльфа не собиралась сдаваться и наложила на себя руки.

А вот мне повезло. Я попала в особый лагерь, где из нежных, светлых эльфиечек делали настоящих рабынь-искусительниц. Самая лучшая судьба, которую можно было представить среди того мрака, куда поместили нежных эльф жестокие враги. Каждую из нас изучали, пытались выявить главный талант. У меня это оказался танец. Я была до безумия пластична. Когда танцевала, даже выдавшие виды учителя-дроу замирали от восторга. На меня очень быстро нашёлся покупатель, и я готовилась к тому, что в четырнадцать лет отправлюсь к новому хозяину в руки, но тут судьба снова сделала мне подножку.

Один из учителей-дроу влюбился в малышку-эльфу и собрался её похитить, присвоив себе. Случилась погоня, и жестокий тёмный, понимая, что уйти не удастся, убил и меня, и себя, несмотря на все мольбы и слёзы, которыми я его поливала.

Две последние жизни прошли на такой полюбившейся мне Земле. Первая была Вера. Богемная красотка из семьи московского промышленника. Конечно же, революция разорила Веру и её родных, но не лишила амбиций и планов. Я была красива, молода, интересна. Очень быстро завела дружбу с Ивановым, Гумилевым, Есениным. С последним, кстати, случился мимолётный роман, но сколько их было в моей-то жизни... Вернее, в жизни Верочки. Я порхала лёгким мотыльком в литературных кругах, даже не замечая, как вокруг сгущаются тучи. Ленин умирал, и на его место метило множество хитрых, умных и жестоких людей.

Одна мимолётная встреча с работником ОГПУ закончилась печально. Меня нашли задушенной в ванной, а моего случайного любовника — повешенным с покаянной запиской в руках. Я так и не узнала, почему его товарищи решили избавиться от него таким сложным способом, но на мою судьбу это никак не повлияло.

И снова было Плато, и снова новая жизнь.

Валентина была самым спокойным моим воплощением. Скромная учительница географии в простой советской школе. Недолгий брак и долгие годы одиночества, в которых мне было чудо как хорошо. Я завела три кошки и почти всю свою скромную зарплату, а после пенсию тратила на книги. Маленький родительский домик в деревне превратился в дачу и небольшой огород. Наверное, я была счастлива, пропалывая грядки и долгими вечерами читая романы, поглаживая при этом блестящую шёрстку кого-то из любимцев. Но долго наслаждаться тишиной и покоем мне было не суждено.

Валентине было шестьдесят пять, когда оборвался тромб и остановил размеренное шествие моей очередной жизни, и вот я снова на Плато. Даже не подозревая, что ожидает меня в этот раз.

Глава 3

Стоило мне навечно закрыть уставшие глаза одинокой учительницы географии, как я сразу же оказалась на старом добром Плато.

Воспоминания голодной стаей волков накинудись на меня в ту же минуту, стоило моей душе ступить на знакомую землю перерождения, ставшую почти родной. Я застыла на секундо-дочку, позволяя им занять свои положенные места, как кусочкам мозаики в витраже под названием... Хм, а кто я в самом деле? Хороший вопрос. Каждая жизнь оставила во мне свой неизгладимый, незабываемый след, формируя что-то новое. Формируя МЕНЯ!

Я усмехнулась, чувствуя, как спокойная Валентина уравнивает наследство буйной и неутомной Верочки. Так же, как в свое время княжна Мария затёрла все недочёты и пробелы в воспитании бедовой Доротеи Маккейн.

Несчастливая эльфийка Элениель подарила мне хитрость и жажду жить, а вот зелёная крошка, имени которой я даже не знаю, оставила лёгкое и очень робкое чувство. Она хотела, чтобы кто-то позаботился о ней. Оберегал и спас, когда ей так нужна была чья-то поддержка и помощь.

Ужасный коктейль, не правда ли? Но так лишь первые минуты пребывания на Плато. Дальше вся эта буря оседает, гармонично формируя одну, целостную душу, что обрела новую грань.

А здесь что-то изменилось со времени моего последнего посещения. Хмурясь и искренне не понимая, что не так, я обвела взглядом ставшую такой привычной картину первозданной природы.

Да нет, будто бы всё как раньше. Разве что солнышко поднялось немного выше и лес озарило кровавой краской вошедшего в полную силу рассвета. А в остальном всё выглядело, как и прежде.

Тряхнув головой и стараясь прогнать тревожные мысли, я опустила свое астральное тело на небольшой валун и приготовилась ждать.

Иногда портал появлялся в течение пары дней, а иногда по ощущениям приходилось ждать неделями. Благо ни голода, ни потребности во сне у меня не было. Так что в эти часы, проведённые в междумирье, я много думала, анализировала воспоминания...

Это что такое?! Небывалое дело! Не прошло и часа, как здесь появился портал! Да ещё и странный такой, необычный.

Все предыдущие двери состояли из бледно-жёлтого тумана, блёклого и как будто холодного. Этот же горел, как маяк, зазывая и завлекая.

Странно! Очень странно! Может, мне уготована там какая-то особая жизнь? Вот бы заглянуть одним глазком и проверить, что всё в порядке.

Ну да, мысль была поистине глупой. Если уж ты получаешь новую жизнь, то ни поменять, ни отказаться от неё не можешь.

И я это прекрасно знала. Помню, как после моей первой гибели в образе Доротеи появился портал, и я долго не решалась к нему подойти. И тогда, через какое-то время, портал просто втянул мою душу в себя, как обыкновенный земной пылесос.

Больше я не выделялась и послушно шла на перерождение, но этот... Этот портал меня почему-то пугал.

Так, ладно, соберись! Как там говорили на Земле: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Ха-ха, знали бы они...

Сделав глубокий вздох в призрачную грудь, я решительно подошла к необычной призрачной двери. Ну что ж, здравствуй, новая жизнь, я иду!

Что-то действительно было не так! Стоило мне попасть в портал, как тот сразу же повёл себя необычно. Во всех предыдущих случаях переход проходил легко и безболезненно. Я мгновенно оказывалась в новорождённом теле, абсолютно забывая о прошлых жизнях и знаниях, но сейчас ничего подобного не было и в помине.

Меня крутило и выворачивало, как в мясорубке, причиняя чудовищную боль. Душу жгло огнём, будто она уже оказалась в том самом аду, в который верят земные люди. Я будто варилась в кипящем масле и ничего не могла поделать с этим. Казалось, вот-вот я достигну какой-то грани и рассыплюсь на мелкие кусочки, исчезнув навсегда, но вдруг всё резко прекратилось.

Темнота! Это первое, что бросилось мне в глаза, когда я пришла в себя от такого резкого и неприятного перехода.

Вокруг была сплошная темнота, и только я находилась в небольшом круге света, что лился из неизвестного источника. Но не это было самым шокирующим. А то, что я всё ещё пребывала в астральной форме. Я не переродилась? Тогда почему...

— Доротея! — прозвучал совсем рядом какой-то знакомый голос, и из тьмы ко мне вышел...

Не может быть? Это шутка?! Я потрясённо уставилась на Эвиана Роса, что ни капельки не изменился со времени нашей последней встречи. Но как? Ведь я же прожила столько жизней и разменяла не одно столетие.

Но, похоже, время над драконом было не властно, и он выглядел всё таким же молодым и красивым. Та же молодая листва вместо глаз, чёрные волосы под стать тьме, окружавшей герцога, высокий лоб, точёный нос и скулы. Всё так же прекрасен, как лунная ночь.

Я усмехнулась собственным мыслям, понимая, что во мне сейчас говорит божественная ласка Верочка. Любившая поэзию и красивых мужчин в равной степени. Но красота Эвиана Роса оставила меня на этот раз равнодушной. Это наивная Доротея, ничего кроме таверны не видевшая, верила в рассказы об истинных парах драконов и их большой любви, за что и поплатилась. Я же была и в императорских дворцах, и в мрачных шахтах дроу, и даже на других неизведанных планетах. Так что меня драконьей привлекательностью больше не удивить.

Кстати, а почему я всё это помню?

— Прости меня, Доротея, — снова обратился ко мне герцог, привлекая внимание к себе. — Я давно хотел попросить у тебя прощение за то, что...

— За то, что убил? — я приподняла бровь и подлетела к самой границе света, поближе к несостоявшемуся супругу. Дальше мне почему-то двигаться не хотелось, да и дракон не спешил ступить на свет.

Глаза Эвиана недовольно блеснули и наполнились жаром. Но теперь он совсем меня не пугал, я лишь с интересом разглядывала «призрака» прошлой жизни, стараясь найти хоть какие-то изменения в нём. И не находила...

— Да! — наконец-то ответил дракон, кивнув будто бы через силу. — За то, что убил, и за все слова, что сказал.

Даже так?! Я приподняла бровь так, как это умела делать только одна Мария Мещерская, признанная красавица, аристократка и фаворитка Александра Третьего. И почему я не верю в искренность Эвиана? Вызвать дух бывшей возлюбленной (ну не мимо же он пробежал, когда тут оказалась), чтобы попросить прощение за дела минувших дней. Смех да и только!

— Чего ты хочешь, Эвиан? — решила не затягивать, искренне переживая, что там на Плато уже открылся очередной портал перерождения, а я застряла здесь с бывшим.

— Ты изменилась, Доротея, — проигнорировал вопрос дракон, впился в меня пристальным взглядом.

— Возможно, ты меня никогда не знал, — высокомерно заявила я, начиная по-настоящему нервничать. Что-то явно было не так! Меня начало съедать всё то же беспокойство, что посетило рядом с необычным порталом.

Я отлетела от дракона и беспокойно заметалась по кругу, ограниченному светом. Здесь как-то душно, вы не находите?

— Мне жаль, Доротея, — снова заговорил герцог, стараясь привлечь внимание на себя. — Я бы всё отдал, чтобы вновь иметь возможность обнять свою истинную пару. Первая встреча была бы совершенно другой.

Что он несёт? Почему не отвечает на вопросы? И почему я горю? Обернулась к Эвиану и так и застыла.

Знаете, люди не меняются, что уж говорить за избалованных властью и вседозволенностью драконов.

Отдалившись от герцога, я наконец-то смогла рассмотреть то, что скрывалось во тьме за ним.

Это был храм Отца Дракона и, если мне не изменяет память, самая главная его святыня. Зал был один из тех, что скрывали от постороннего глаза, и сейчас он был просто под завязку забит жрецами, которые усиленно бубнили какие-то заклинания. Но не это взбесило меня, а та, кто стояла позади дракона! За спиной Эвиана притаилась та самая бледная крыса, в адюльтере с которой я когда-то поймала несостоявшегося мужа и жениха. Девушка выглядела очень странно. Бледная, с очень довольным выражением лица, она была одета в просторную рубаху, а её руки сковывали кандалы, что тянулись к рукам герцога.

Это нехорошо, очень нехорошо! Я затрясла призрачной головой, но жар стал только усиливаться.

— Доротея, Доротея, — снова позвал меня дракон, стараясь сделать голос как можно ласковей, но я не откликнулась и ещё больше заметалась в круге. Нет-нет, он меня отвлекает! Они что-то делают, а его задача — удерживать мое внимание. Ещё и эта блондинка...

— Доротея... Чёрт, это бесполезно! — голос дракона потерял все сладкие и ласковые нотки и приобрёл небывалую жёсткость, более характерную его образу. — Заканчивайте привязку быстрее, пока она не вырвалась.

Привязку? Я снова застыла, на этот раз глядя только на герцога. Его губы скривила циничная улыбка, и он сказал:

— Прости, Доротея, но здесь каждый сам за себя.

Он меня уничтожает! Вдруг озарила ужасная догадка. Ему нужна истинная пара, но точно не я. Поэтому он крадёт часть моей души, где запечатлелась истинность, чтобы передать своей любовнице.

— Что будет со мной? — спросила, всё ещё не веря в то, что происходит.

— Ничего, — пожал плечами Эвиан, явно не чувствуя хоть какого-то раскаяния за свой мерзкий поступок. — Ты и так мертва, что тебе терять?

О, мне есть что терять! Ты даже себе не представляешь, дракон, сколько всего я могу потерять, если у тебя всё получится. Новые жизни и миры. Я даже не заметила, как втянулась в этот бесконечный круговорот, получая ни с чем не сравнимое удовольствие. Страдая и радуясь, познавая что-то новое, наслаждаясь малым... Только там, на Плато, я поняла, как же это прекрасно — жить.

И вот теперь этот самовлюбленный чешуйчатый хочет забрать у меня всё это. Уничтожить само мое бытие? Нет! Ни за что! Я так просто не сдамся!

— Ваша светлость, она сопротивляется! — сказал хриплым голосом один из жрецов за спиной у Эвиана.

Тот тут же метнул на меня сердитый взгляд, но когда заговорил, в голос вернулись ласковые нотки. Как у медсестры, что собирается сделать ребенку болезненный укол, но убеждает, что это будет укус комарика. Подкинула сравнение память Валентины.

— Не сопротивляйся, Доротея, это бесполезно. Кроме того, — герцог развел руками, — я осуществлю твою мечту. Ты станешь моей любимой женой и парой, пусть и не полностью.

Как же плохо ты всё-таки меня знал, Эвиан. Даже будучи Доротеей Маккейн, у меня был очень строптивый характер, что уж говорить сейчас...

Я подплыла к нему поближе, чуть ли не вплоты, заглядывая глаза в глаза, и, засунув подальше в душу воспитание Марии Мещеряковой, сказала дракону прямо в лицо:

— А не пошли бы вы, ваша светлость, ...

И, подарив прощальную насмешливую улыбочку, ринулась к грани между светом и тьмой. Да, мне было страшно! Да, темнота пугала до припадка! Но остаться в круге — значит подчиниться и позволить дракону разделить меня, как свиную тушу. Что-то на сковородку, а что-то на помойку.

Ну уж нет! Не будет такого! Я слишком люблю жизнь, чтобы ему поддаваться.

Глава 4

Тьма на ощупь оказалась липкая, как паутина. Она связывала меня и опутывала, стараясь задержать, но я боролась изо всех сил. Несмотря на страх, боль и жар, что ощущала всем своим астральным телом. Упрямство и нестерпимое желание жить руководили мною, помогая преодолевать миллиметр за миллиметром. Казалось, что я никогда не выберусь и увязну здесь навсегда, как жалкая муха, у которой совсем скоро паук высосет жизненные силы.

И мой паук был рядом! Он кричал:

— Доротея, вернись немедленно! Ты делаешь только хуже себе. Подчинись, и всё быстро закончится!

Подчинись?!!!! Спасибо тебе, Эвиан! Именно ты придаешь мне сил в эту минуту, чтобы бороться и оставить тебя ни с чем, мерзкий дракон.

Я с небывалым усердием рванулась из прочных сетей. Раз-другой! Что-то лопнуло справа, потом слева, и под крики боли жрецов, отчаянный вопль Эвиана и горький плач блондинки я наконец-то вырвалась на свободу.

Фугх! Облегчение мгновенно наполнило мое призрачное тело, жар отступил, и пришла благословенная прохлада. Тьма оказалась не более чем завесой заклинаний, отделяющих меня от большого зала, полного приспешников герцога.

Но долго наслаждаться победой я не могла себе позволить. Дракон так просто не отступит и захочет меня снова поймать. А уж это я ему не позволю ни в коем случае.

Нужно улетать! Не давая себе времени подумать, я рванула к ближайшей стене и, пройдя её так же просто, как горячий нож масло, оказалась в другом помещении.

Это было подземелье! Не удивлена. Где же еще творить такие мерзкие ритуалы, как не среди мрачных сводов тайной подземной тюрьмы. Интересно, Отец Дракон одобряет то, что творят его детишечки? Ведь истинные пары — это как бы его идея.

Но не важно, у меня есть цель — выбраться из этой передрыги и уж после...

Ох! Что происходит?

Сильный воздушный поток подхватил меня в свои крепкие объятия и потянул вверх. Чертов Эвиан, неужели он нашел, как воздействовать на меня магией?! Это конец?

Но я ошибалась. Сильный поток вынес меня из подземелья прямо в главный зал храма. Ни Эвиана, ни жрецов здесь не было. Лишь тихий треск свечей, гулкая тишина да парочка паломников.

Покружив меня по огромному помещению, как щепку, воздушный поток вдруг остановился, и я плавно начала опускаться вниз.

Прямо на беловолосого парня, что стоял на коленях и о чем-то страстно молился. Слов было не разобрать, но его выражение передавало такие муки и надежду, что стало ясно — это не простой обыватель, заскочивший в храм из чистого любопытства. У этого человека, нет, дракона, случилась беда, и ему больше некуда было идти.

Меня неумолимо потянуло к нему, и я опустилась рядом. Но парень этого не замечал, продолжая шептать свои искренние просьбы. Впрочем, меня не замечали и остальные присутствующие, будто бы не было здесь никакой души, облаченной в призрачное астральное тело.

В голове родилась мысль, что, выбравшись из магического круга, я потеряла видимость для материального мира. Но на такую невероятную удачу не стоило полагаться. Ведь даже если и так, уверена, у жрецов и Эвиана еще припрятаны тузы в рукавах. Поэтому нужно уносить ноги как можно скорее.

Как бы не так! Попробовала оторваться от места, куда опустил меня вихрь, но оказалось, я приклеена к парню намертво. Черт! Я старалась и так и этак, но максимум, на что хватило

моего невидимого поводка, так это сантиметров на пятьдесят дистанции вокруг неизвестного блондина.

Опять чьи-то магические шутки? Или божественные? Я с подозрением сощурилась и обвела зал, устеленный изображением могучего золотого дракона, но ничего необычного не обнаружила. Даже ни одна свечка не дрогнула.

Картина прям пасторальная, тишь да благодать, только зелёной травки не хватает и кудрявых овечек с колокольчиками, пасущихся на ней.

Но меня не проведёшь! Я слишком долго прожила, чтобы верить в то, что такие совпадения бывают.

— Господин! — пока я размышляла, рядом с моим блондином остановился мужчина в форме слуги. — Началось!

Тихий шёпот подошедшего произвёл эффект ударившей молнии на беловолосого дракона. Ничего не отвечая, он вскочил на ноги и быстро побежал к выходу.

И знаете что? Я как собачка на привязи поплыла за ним. Вот тебе и поворот!

Но в данной ситуации уж лучше так и подальше от Эвиана. Потому что у самого выхода я заметила боковым зрением, как одна из неприметных дверей в зале открылась и оттуда высунулась взъерошенная голова жреца, явно высматривая что-то вокруг.

Догадаетесь с одного раза, кого же он искал? Хммм, даже не знаю, как решить эту сложную задачу.

Но в сторону иронию! Дальше события разворачивались так быстро и так трагически, что я временами забывала и о подлом драконе Эвиане, и даже о собственных бедах.

Молодой дракон выбежал из храма и тут же обратился, представ в своей звериной ипостаси. Красивый белый зверь взмылся вверх, несмотря на испуганные крики не ожидавшей такой прыти толпы.

Насколько я помню, драконам было запрещено оборачиваться в публичных местах, так как количество жертв при таких оборотах могло быть немаленьким. Но мы, слава Богу, никого не раздавили. Почему мы, спросите вы?

Да потому, что для нашей странной связи две тысячи метров над землёй оказались не помехой. Так я и болталась рядом с взбудораженным драконом, что летел стрелой в неизвестном направлении. Но были в таком путешествии и свои преимущества. Например, то, что оно длилось чрезвычайно недолго.

Минут двадцать — и дракон опускается у небольшого поместья, расположенного в очень милой зелёной зоне на окраине столицы. Я примерно представляла себе, что же это за район. Здесь жили драконы, если можно так выразиться, средней руки. Не верхушка, но и не бедняки. Хотя по сравнению с людьми бедный дракон стоит на одной ступени с каким-нибудь человеческим князем.

Быстро обратившись, молодой человек побежал к дому. Дверь открылась ещё, когда дракон сел на специальную лужайку перед домом, и пожилая женщина, на полном лице которой виднелись следы слёз, молча посторонилась, пропуская парня.

Быстро обратившись, молодой человек побежал к дому. Дверь открылась ещё, когда дракон сел на специальную лужайку перед домом, и пожилая женщина, на полном лице которой виднелись следы слёз, молча посторонилась, пропуская парня.

Тот так же, не здороваясь, пролетел мимо женщины и сразу же ринулся к лестнице на второй этаж. Причину такой спешки я поняла ещё в коридоре. Суeta слуг с водой и каким-то тряпьем, стоны из-за одной из дверей и, конечно же, запах... Запах лекарств, страданий и смерти.

Поэтому я ничуть не удивилась, когда парень распахнул двери в ту комнату, откуда слышался шум, и я увидела спальню, временно превращенную в родзал.

Две повитухи и несколько служанок закрывали несчастную, что сейчас давала кому-то жизнь. Но стоило дракону войти в комнату, как они тут же расступились.

Ох! Похоже, дела здесь шли не очень. Хрупкая, светловолосая женщина с бледным лицом и синими губами жалобно стонала на кровати. Круглый живот казался неестественно большим на фоне худеньких и слабых, как куриная лапка, ручек и ножек. Но стоило парню появиться, как глаза страдальцы открылись, являя бездонные синие колодцы, и слабые ручки потянулись к дракону.

— Дистер!

Не глядя ни на кого, дракон бросился к постели и опустился на колени рядом с женщиной. Подхватив слабую ручку, он прижался к ней губами, и из глаз у него потекли слезы.

Я впервые видела, чтобы дракон плакал. Да что там видела! Я о таком даже в легендах не слышала. Драконы — мощные и безжалостные звери, не способные на простые человеческие слабости, а тут...

Девушка явно была человечкой, и то, с какой нежностью и болью смотрел на нее дракон, говорило о многом. Мне захотелось отвернуться, чтобы не видеть этой душераздирающей сцены, то, как этот гордый и сильный зверь плачет над своей умирающей возлюбленной, но я не смогла. Что-то будто держало мою голову, заставляя смотреть всё это от начала и до конца.

— Любимая, пожалуйста, держись, — тихо зашептал ей дракон. — Ради нашего ребенка, ради меня... Я просил Дракона Отца сохранить тебе жизнь, ведь, если тебя не станет, я тоже умру.

Не в силах удержаться, он опустил голову и уткнулся в мокрую простыню рядом с ней. Судорога схватки прошла ее тело, но, я уверена, плакала она совсем не из-за боли.

— Нет, Дистер, прошу... Даже если меня не станет, живи! Пообещай мне это! На смертном одре я хочу быть спокойна за тебя.

Вот ОНА! Вот настоящая любовь! Быть истинной парой — это когда жизнь твоего любимого намного важнее твоей. Когда ты готов жертвовать ради благополучия другого. Смотря на этих несчастных, я вдруг поняла, какой должна быть любовь.

И на этом было всё! Больше ничего я не успела увидеть и услышать, так как меня закружило очень знакомое чувство. Такое было в первый раз на Плато, когда я, растерянная, долго отказывалась идти в открывшийся портал.

«Ну здравствуй, старый друг пылесос!» — мысленно поздоровалась я, ныряя в темноту, из которой меня уже через несколько минут вытолкнули под большим давлением. Воздух разрезал мой возмущенный вопль, и чей-то счастливый голос радостно провозгласил:

— Господин Крофтон, госпожа Крофтон, поздравляю! У вас девочка!

Глава 5

Первые годы моей новой необычной жизни прошли довольно беспечно. Несмотря на то что все воспоминания сохранились, физиология брала свое, и я много спала, ела, гуляла и купалась в безусловной любви окружающих.

— Какая умненькая малышка, — сюсюкалась со мною Лия. Та самая полная заплаканная женщина, что встречала молодого дракона в тот трагический и знаменательный день. — Ах, какая же ты красавица! Вся в матушку.

Вытирая слезы, украдкой говорила она и бралась расчесывать мои золотистые кудряшки. При маме, госпоже Виктории Крофтон, плакать было строжайше запрещено. Дистер Крофтон следил за этим с поистине драконьим рвением. Ничто не должно расстраивать его хрупкую и нежную возлюбленную, на долю которой и так выпало множество страданий.

Я искренне жалела и восхищалась этой удивительной женщиной. Она выжила после родов, но здоровью ее был нанесен такой непоправимый ущерб, что каждый вздох приносил огромную боль. И все же она жила. Не ради себя, в отличие от меня, Викторию не обурежала ненасытная жажда жизни, а ради Дистера и единственной дочери.

Ради меня и отца (что уж греха таить, я так привыкла к этим людям и так сроднилась с ними, что мысленно называю их только: мама и папа) она поднималась каждый день с кровати и, садясь в свое инвалидное кресло, говорила, улыбалась, жила вместе с нами. Она понимала, что если умрет, то вслед за ней уйдет и муж, оставив маленькую и беззащитную сироту в этом жестоком мире совершенно одну. Любовь давала этой женщине сил открывать глаза и проживать очередной день, полный боли.

И бороться у нее были веские причины. Несмотря на то что они с Дистером были истинной парой, никто из семьи отца даже и не думал принимать этот союз. Человечка, да еще и дочь торговца, для среднего сына графа Нортон была не ровня. Эвиан не соврал мне. Обычно такие неугодные пары сидели где-то в закрытой башне и ублажали господина, пока в кресле жены и хозяйки сидела равная ему драконица.

Но Дистер был не такой, о нет! Увидев Викторию и влюбившись в нее больше жизни, он пережил и нападки общества, и отречение родни. Стойко и мужественно заслоняя свою хрупкую возлюбленную от всех невзгод. Та же, в свою очередь, отвечала ему безграничной нежностью и преданностью, стараясь сделать так, чтобы все жертвы Дистера были не напрасны.

Но, выстояв против внешних бурь, семью чуть не подкосила внутренняя. Здоровье Виктории всегда было очень-очень слабое, а уж когда девушка оказалась беременной, лекари пророчили ей и ребенку верную смерть.

И в этом они были правы. То, что Виктория выжила и даже не стала овощем, настоящее чудо. А вот что касается ребенка...

Здесь еще один большой грех на твою совесть, Эвиан. Да и на мою тоже. Занимая тело почти родившейся малютки, я вытолкнула душу маленького дракончика и точно знаю, что она растворилась, не отправившись на перерождение.

Понимаю, что не я выбирала такой путь и смерть малютки не моя вина, но от этого легче не становится.

Поэтому для своих новых родителей я постаралась стать идеальным ребенком.

— Наша Леонора просто чудо! — хвалил меня папа, подхватывая на руки и подбрасывая в воздух под мой залиvistый смех.

— Мое сокровище, — тихо и очень нежно говорила мама, зарываясь носом в мои шелковистые кудри. Точь-в-точь такие же, как были когда-то у самой Виктории до тяжелой болезни.

Я росла девочкой послушной и умненькой. С благодарностью впитывала все уроки, что давали нанятые отцом учителя. Думаю, он втайне надеялся, что знатная родня когда-нибудь отгадет и я займу полагающееся мне место благородной леди.

Но, увы, граф и графиня Нортон были непреклонны, и дедушку с бабушкой по отцовской линии я первый и единственный раз видела только в газете, которую папа усиленно прятал от мамы. Там говорилось, что знатная чета удачно выдала замуж свою единственную дочь и сестру Дистера Рамину Нортон за советника его императорского высочества Аркула Второго.

Глаза отца были очень грустными, но стоило ему заметить меня, они сразу же посветлели.

— Иди ко мне, моя крошка, — папа распахнул объятия, и я с радостью кинулась в них.

Знаю, что взрослой женщине такое не положено, но эти двое отдавали мне столько любви и тепла, что не ответить им взаимностью было просто невозможно. Да и не хотелось!

Я с удовольствием нежилась в лучах их ласки и заботы. Правда, были и мрачные моменты. Например, очень долго изгнанный сын важного драконьего семейства не мог найти достойную работу, перебиваясь подработками мелким клерком в различных министерствах, терпя при этом насмешки и снисхождение других. Мы не голодали и вполне могли себе позволить нанять прислугу, но папа явно страдал от того, что не может обеспечить «достойную жизнь своим девочкам».

Ни мама, ни я не переживали по этому поводу. Я в силу того, что была слишком мала, чтобы расправить крылья и амбиции, а Виктория была просто счастлива, что рядом находятся два самых дорогих человека на свете. Да и родители матери периодически навещали нас, скрашивая ее монотонную нелегкую жизнь.

Торговцы Силтоны были очень милыми людьми, и я быстро нашла с ними общий язык. Особенно с дедом, Алозаном Силтоном. Мне, как Доротее, был понятен его простой и практичный взгляд на вещи. А еще импонировала его искренняя радость от появления единственной внучки и желание меня постоянно баловать. Бабушка Беата была более строгой и чопорной, но за этой ширмой скрывалось доброе, отзывчивое сердце. Я, кажется, знаю, в кого пошла Виктория.

Вторым поводом огорчиться было мое двадцатилетие. Именно в этот период молодые дракончики оборачиваются, и родители ждали этого со страхом и нетерпением. Увы, результат я знала наперед, но Викторию и Дистера было очень жаль. А еще ту крошку-драконочку, что так и не смогла открыть глазки и воспарить в небо.

— Прости меня, милая, — заплакала Виктория, когда оборота так и не случилось. — Это я виновата, если бы я была драконом...

— Нет, мама, — поспешила я утешить бедную женщину. — Это ни в коем случае не твоя вина. Да и пусть простит меня папа...

Я бросила лукавый взгляд на отца и подмигнула.

— Но человеком быть мне больше нравится.

— Правда? — мама очень удивилась, и даже слезы перестали литься из ее глаз.

— Конечно, — я взяла ее ладони в руки и прижалась к ним щекой. — Я буду абсолютно свободна, без всех этих ограничений, что требует от меня положение драконьей леди. Смогу путешествовать в далеких, жарких странах, кататься на слонах и даже искупаться в глубокой тропической речке Гердару (аналог земной Амазонки)...

— А там тебя будет поджидать кровожадный крокодил... Рррррр...

Папа подкрался незаметно и, вцепившись мне в талию, как настоящий хищник, легко поднял невысокого двенадцатилетнего подростка в воздух, подбрасывая, как в детстве. Я завизжала, захлебываясь восторгом и страхом, требуя то ли отпустить, то ли подкинуть еще выше. Мама рассмеялась, смотря на то, как мы дурачимся, и инцидент с моим неудачным оборотом вроде бы был исчерпан. Но вечером папа все же переспросил:

— Ты точно не расстроилась, солнышко? Я не мама, мне можешь сказать всю правду, даже если она будет горькая.

— Нисколько, папа, — честно ответила отцу. — Я действительно так считаю и очень рада, что не буду связана всеми этими обязательствами.

Дистер лишь покачал головой и крепко меня обнял.

— Не хочу тебя пугать, малыш, но, даже если ты не обратилась, в тебе есть кровь дракона, а это кое-что да значит в нашем мире.

Сказал он, уткнувшись в мою макушку, и, как показало будущее, слова папы оказались пророческими.

Всё изменилось, когда мне стукнуло четырнадцать лет. Наш замкнутый образ жизни вдруг и очень резко прекратился. В дом стали заходить какие-то люди, которых папа представлял как своих знакомых и сотрудников. А потом нас ожидал настоящий шок. Отец объявил, что он изобрёл уникальный артефакт защиты, который ему удалось продемонстрировать его императорскому величеству, и теперь мы очень и очень богаты.

Нет, мы и раньше знали, что папа был любителем помастерить. И в нашем доме даже имелась для этого специальная комната, где он пропадал, когда «его душеньки в нём не нуждались и хотели побыть только вдвоём». Но как такое чудесное открытие могло произойти в маленькой каморке два на два метра, причём у явного любителя, а не профессионального артефактора? И всё же факт оставался фактом.

Дистер Крофтон изобрёл уникальный артефакт и даже сумел запатентовать его, оказавшись единственным получателем баснословной прибыли. А когда сам император заинтересовался изобретением отверженного сына графа Нортонна, то деньги потекли рекой. Вместе с лестью, привилегиями, завистью и тревогами.

— Я не хочу переезжать, — упрямо трянула головой мама, услышав предложение отца одним летним вечером. — Мне очень нравится наш дом и то, как мы живём здесь.

— Теперь это невозможно, Викки, — мягко возразил ей папа. — Мы стали слишком богаты и приметны. Кроме того, подумай о Лее.

Кивнул он в мою сторону, но я и здесь поддержала мать.

— Папа, мы всегда можем купить несколько домов и приезжать в центр, когда захотим, но мама права, — я послала взгляд, полный нежности, Виктории, и та ответила мне улыбкой. — Это наш дом, и мне совсем не хочется его покидать ради сомнительной радости поразить людей, которые бы с нами даже не поздоровались, если бы не твоё изобретение.

— Хорошо, сдаюсь! — папа поднял руки в шутливом жесте. — Идти против женщин, тем более таких умных и рассудительных, как мои девочки, себе дороже. Но я бы хотел перестроить здесь кое-что и добавить ещё одно крыло. Вы не против?

— Конечно, — обрадовалась я. — Папа, а сделаешь там зал для занятия танцами?

Танцы я очень полюбила в теле эльфийки, и тень её таланта перебралась в тело миленькой беловолосой драконочки. Родные и слуги часто замечали, что я удивительно пластична и имею завораживающую походку. Но дар, как известно, нужно развивать.

— Всё, что пожелает моя куколка! — пообещал Дистер и слово своё сдержал.

Ещё в прошлых жизнях я поняла, что быть богатым человеком очень хорошо и удобно. Нанятая бригада магических строителей в считанные дни расширила поместье и добавила не одно, а целых два крыла. Что уж говорить о комнатах, в которых на моих глазах делался просто молниеносный ремонт.

Я лишь мысленно вздыхала, вспоминая, как в теле Валентины мне пришлось самой делать это проклятие всех советских людей в течение двадцати лет. И на момент смерти моей последней ипостаси он ещё не был завершён.

Конечно же, я получила свой танцевальный зал, а еще учителя. Лучшего в столице! Кроме того, была еще новая комната, бесчисленные наряды и дорогие украшения вперемешку с редчайшими книгами. Но самым главным подарком от неожиданно свалившегося богатства была возможность выписать маме знаменитейших лекарей со всех уголков мира.

И я, и папа не отходили от нее ни на шаг, искренне молясь Драконьему отцу о ее выздоровлении. Не скажу, что божество одарило нас щедрой рукой, но со временем произошел прогресс. Медленно и уверенно состояние Виктории Крофтон начало улучшаться. И даже постоянные боли перестали ее так сильно донимать.

Так что богатство, свалившееся на нас, было просто подарком судьбы, а еще определило мою дальнейшую судьбу. Уже в четырнадцать я начала задумываться, кем хочу быть в этом новом-старом мире, куда забросила меня судьба и злая воля герцога Росса. Шанс этот был уникален, так как мне удалось сохранить все воспоминания и предыдущий опыт. А значит, несмотря на юность этого тела, я уже довольно сформировавшаяся личность с хорошей форой.

Определиться, кем же я хочу быть, помог один неприятный на первый взгляд случай. Через год после триумфального папиного открытия мы уже уверенно занимали место в числе самых богатых семей столицы, но все еще не были родовитыми. И пусть сам папа был представителем благородного рода, но родители отказались от него, а значит, приравнивали к жене. Безродной дочери торговца.

Император клятвенно обещал это исправить, но, пока документы готовились, наше положение в глазах общества было шаткое. Выскочки, что сорят деньгами, но совсем не представляют собой ничего.

Я не была наивной, но совершенно не думала об этом, нырнув с головой в учебу и заботу о здоровье матери. Но Дистер почему-то уверовал, что его девочке пора искать общество себе подобных (то есть таких же подростков из аристократических семей), и взялся вывозить меня «на большую землю».

Как я и советовала раньше папе, мы купили дом в центре столицы, вблизи императорского дворца. И вот однажды отец с полного благословения и попустительства мамы утащил меня на неделю «осмотреть новое приобретение и развеяться».

Хитрый план родителей был понятен, как ясный день, но я не сопротивлялась, понимая, что лучше сейчас отмучиться неделю, чем вдруг заботливым папе и маме придет в голову что-нибудь еще. Более гениальное, так сказать!

Да и посмотреть на столицу еще раз было очень любопытно. Сколько же поменялось за те пятнадцать лет после моей смерти?

Да-да, именно пятнадцать! Представьте себе мое удивление, когда я узнала, что с момента моей первой смерти прошло не более пары лет. А если сложить все с математической точностью, то Эвиан умудрился организовать ритуал по поимке и расщеплению моей души через месяц после того, как убил вашу покорную слугу.

Цинизм герцога просто зашкаливал. Никакого траура и раскаяния, а только маниакальное желание добить меня окончательно. Говорят, от любви до ненависти один шаг. Похоже, надменный дракон проделал этот путь мгновенно, упустив при этом пункт первый.

Кстати, не могу сказать, что не вспоминала о герцоге все это время. Логика вопила, что чудовище не успокоится, но время шло, а поместье Крофтонов никто не осаждал с требованиями выдать новорожденную дочь. И к папе никто не приходил из храма расспрашивать о том дне. Отчего я заключила, что скромная чета изгнанников вне подозрения.

Правда, сейчас, отправляясь в путь, я вспомнила все опасения, но оказалось, зря. Щедрые заголовки свежих газет, что приобрёл папа по дороге, пестрили новостью об отбытии герцога с военно-дипломатической миссией в государство Корнуил. Находилось оно у чёрта на куличках и было населено очень агрессивными племенами. Как вовремя! Удивительно вовремя! Совсем так же вовремя, как было с изобретением артефакта защиты.

Хотелось закатить глаза, а потом с вопросом посмотреть на храм Отца Дракона. «Ну и к чему это все? Чего ты добиваешься?» Но божество молчало эти годы и прилежно укладывало все обстоятельства в мою пользу. А я была не настолько глупой, чтобы спугнуть удачу. Пусть старается, все равно я ему ничего не обещала.

Так что поход в столицу был безопасен и довольно удачен до третьего дня нашего пребывания там. Папа таскал меня по всяким там магазинам, выставкам, кафе... Мне все нравилось, но совершенно не впечатляло, как должно было впечатлить маленькую затворницу, просидевшую в родительском доме всю свою сознательную жизнь.

О, родители чувствовали за это вину, но даже не представляли себе, что для Марии Мещерской, видевшей блеск и величие Петербургского двора, шумный Париж и знойный Рим, все эти развлечения были совсем не новостью. Я даже позволяла себе мысленно сравнивать и иногда пренебрежительно хмыкать.

И всё же был один инцидент, что безнадежно испортил эту, по сути, приятную поездку и сыграл не последнюю скрипку в дальнейших событиях.

Глава 6

Это был третий день нашего безмятежного скитания по развлекательным местам столицы. Утро мы провели за покупками всяких милых сердцу женщины мелочей. Папа хотел сделать подарок маме, и я решила поучаствовать в этом мероприятии. И вот, когда карета была забита пакетами и коробочками доверху, а время перевалило за полдень, отец наконец-то сделал то, о чем грозился давно. Повел меня в очень модное среди аристократов место, где продавали изумительное мороженое.

Заведение и правда оказалось на диво красивым и элегантным, к тому же было битком набито людьми.

Но для нас официант сделал исключение и отвел в специальную зону, где было намного тише, свободнее и роскошнее. Папа усадил меня за столик и сделал заказ для нас. Мороженое имело божественный вкус. Я съела целых три чашечки перед тем, как признать свое поражение:

— Я больше не могу! — подняла лапки вверх, сдаваясь.

— Что-то ты слабовата для драконьего подростка, — подколот меня папа, хитро посверкивая глазами. Он давно уже понял, что тема оборота и принадлежности к драконам не является для меня болезненной, и мы даже свободно шутили над этим.

— Ты сам-то съел всего две, — притворно надулась я и сложила руки на груди.

— Я, может, надеялся на помощь собственного чада. Хо-хо, нет мне, старику, поддержки, — покачал головой папа, смешно спародировав старческий голос. Но тут взгляд его поднялся над моей головой, и Дистер Крофтон моментально посуровел. — Прости, солнышко, я оставлю тебя на минутку. Мне нужно отойти. И да...

Вернул себе папа хитрый вид.

— Можешь доесть мое мороженое, пока я не вижу!

И под мой страдальческий стон пошел в другой конец зала. Я провела его беспокойным взглядом и наконец-то увидела, как отец перехватил какого-то мужчину, явно направляющегося к нам. Между ними завязался разговор, который папе был не по душе.

— Это она, да?

Услышала я приглушенный шепот с соседнего столика. Мы с папой были так увлечены мороженым и друг другом, что мало замечали людей вокруг, или, вернее, драконов. Но теперь я более внимательно посмотрела на них. Это была компания из подростков немного старше меня и явно из благородного семейства. Три девушки лет по шестнадцать-семнадцать и парень примерно того же возраста.

Парень сидел красный, опустив глаза в свою тарелку, а вот девицы с язвительным пренебрежением рассматривали меня.

— Ты ошибаешься, Себастиан. Ничего она не красива, эта полукровка. А какой наряд? При деньгах ее папочки можно было бы выбрать что-то и помоднее. Но даже это не помогло бы такой деревенщине пробиться в обществе. Она никто, как и ее отец, и уж тем более крестьянка-мамаша. Грязная кровь...

Девушка говорила на полтона выше своих подружек, чтобы ее слова однозначно достигли моего слуха. И сказала бы еще больше, если бы папа не вернулся.

— Ну что, солнышко, еще по одной? — Дистер старался выглядеть бодрым и веселым, но гневный румянец выдавал его с головой. — А если тебе понравится, я даже подумываю купить тебе это кафе на день рождения в подарок.

Рядом с нашим столиком беззвучно ахнула гнусная компания дворянских детишек, а я подняла на папу глаза, полные непролитых слез обиды, и улыбнулась.

— Пожалуй, нет. В этом месте слишком плохая атмосфера, и оно мне совершенно не нравится. Им стоит более тщательно подходить к выбору клиентуры, которую они пускают сюда.

— Абсолютно с тобой согласен, зайчонок, — усмехнулся папа и бросил еще один взгляд мне за спину. — Домой?

— Однозначно! — кивнула я, поднимаясь.

— Беги в карету. Я сейчас рассчитаюсь, и мы поедem, — сказал папа, провожая меня к двери.

Я послушно пошла на выход, ощущая на себе неприятный, сверлящий взгляд. Уже покидая кафе, я не выдержала и обернулась. Компания шушукалась, гарантированно продолжая мыть мне кости, но это неуютное чувство было не от них.

Тот самый мужчина, что говорил с папой, сидел недалеко от выхода и внимательно смотрел на меня. Я лишь мельком взглянула на него до того, как двери в это злополучное заведение закрылись, отрезая всех его неприятных посетителей, но этого было достаточно. Узнать собственного деда и отца Дистера Крофтона, графа Джорджа Нортонa, не составило никаких проблем. Теперь понятно, откуда у папы был тот гневный румянец на лице и испорченное настроение. Родители мало рассказывали об отношениях со старшими родственниками, но, судя по всему, они были не самыми теплыми.

Да и изгнание из рода не укрепляет родственные узы ни в какой мере.

Стало обидно вдвойне, нет, даже втройне! И за папу, и за себя, и за бедняжку маму, которой снобистское общество не дало даже шанса. А она старалась, очень, быть достойной своего супруга. И учителя приходили не только ко мне. Несмотря на изнуряющую тяжелую болезнь, эта женщина с упрямством, достойным поклонения, оттачивала манеры и учила этикет.

Папе это было не нужно, он любил ее и такой, но это был еще один стимул для мамы не впадать в уныние, и мы терпели эти спартанские изнурительные упражнения, поддерживая энтузиазм Виктории. Как результат, болезненная женщина из семьи торговцев могла дать фору любому аристократу, особенно тем хамам, что оболгали меня в кафе.

Не буду скрывать, ночь я провела в слезах. Мне было обидно и за родителей, и за себя. То, как общество отнеслось к этим добрейшим людям, было ужасно, несправедливо и отвратительно. Себя тоже было жаль. Меня унизили, даже не поинтересовавшись, что же я за человек. Нет, наивностью я не страдала, прекрасно разбираясь в цинизме общества, но от этого легче не становилось. Как и не возникло христианское желание проявить милосердие к их слабостям и простить.

Так вот, когда рассвет заглянул в мое окно, я уже была готова. Сидя на кровати, полностью одетая и расчесывая косы, с легкой улыбкой на устах я четко представляла, кем хочу стать в этой жизни.

Я буду самой главной, самой желанной звездой этого сборища чешуйчатых снобов. Они будут лежать у моих ног и ловить каждый мой взгляд, каждый мимолетный каприз. Я буду блистать и отомщу за все унижение, что эти лицемерные гордецы нанесли нашей семье.

Месть — это блюдо, которое подают холодным. Но дело не только и не столько в ней. Я прекрасно помнила, как блистала и поражала в образе Марии Мещерской, и мне хотелось это повторить. «Необычайно красива, — писали обо мне современники, — дивно сложена, довольно высокого роста, её черные глаза, глубокие и страстные, придавали её изящному лицу из ряда вон выходящую прелесть. Звук голоса её был мелодичен, и на всем существе её была наложена печать какого-то загадочно-сдержанного грустного чувства, очень обворожительного».

Эту хвалебную оду я вычитала в одной из энциклопедий, изучая исторический фон при Александре Третьем в моей последней жизни учительницы литературы. Сейчас я понимаю причины, пробудившие у меня такой интерес к императору Александру, но тогда столь скру-

пулѐзное изучение его биографии и биографии его пассии выглядело очень странным хобби чудаковатой одинокой женщины.

Но что касается дел сегодняшних, к составлению плана покорения драконьего высшего общества стоило подойти со всей тщательностью. Вернувшись из поездки в столицу, мы с отцом, не сговариваясь, утаили от Виктории неприятные подробности и лишь нахваливали время, проведенное там. И тем не менее мать заметила, что я стала намного тише и задумчивей, чем была прежде.

— Что случилось, солнышко? — спросила мама одним из вечеров, который мы проводили вместе. Дистера с нами не было, папу вызвали по очень срочному делу во дворец, и Виктория воспользовалась случаем расспросить странно притихшую дочь. — Что тебя расстраивает?

Я лишь вздохнула и помотала головой. Иногда быть единственным и очень любимым ребенком чрезвычайно трудно. Тебя знают как облупленную и тонко чувствуют твоё настроение.

— Все в порядке, мама. Просто мне очень понравилась столица и заставила задуматься, кем я хочу быть, — прикрывшись полуправдой, уверенно соврала я.

— Ты хочешь переехать туда? — глаза матери заволокло грустью. Как умная женщина, она понимала, что момент вылета птенца из гнезда приближается, но материнское сердце отчаянно не хотело отпускать от себя кровиночку. — Если тебе там понравилось, то ты только скажи, солнышко.

Не дав ей договорить, я крепко обняла эту святую женщину и положила ей голову на грудь, как в детстве. Узнаю Викторию, интересы других превыше всего.

— Нет, мама, пока я не хочу этого делать. Но в будущем мне бы хотелось принять участие в Осеннем бале дебютанток.

— Ох, солнышко, но там будут девушки только из благородных семейств, а твой папа еще не получил титул, — нахмурилась мама, но, услышав, что я пока никуда не планирую от нее сбежать, тихонько выдохнула с облегчением. По крайней мере, у нее было еще целых три года, чтобы со мной понянчиться.

— До моего совершеннолетия еще далеко, — улыбнулась я. — А император на ветер слов не бросает и точно подарит папе титул, вот увидишь.

— И то правда, — рассмеялась мама, но тут же посерьезнела. — Милая, высшее драконье общество, оно, скажем так, не очень дружелюбно к людям не их круга. Понимаешь?

— О, мама, высшее драконье общество недружелюбно и к людям своего круга, — усмешка вышла чересчур циничной, но моя задача была дать понять матери, что ее дитяtko не питает иллюзий и четко знает, что делает. — Я не жду, что они меня примут, я собираюсь подчинить себе эту толпу снобов.

— Крошка моя, ты еще так молода и наивна, — покачала головой мама, но от меня не укрылся блеск в ее глазах. Я прекрасно понимала, глядя на то, как она старается на уроках этикета, что втайне она мечтала о том же. Что круг ее мужа примет и ее, но оказалось, что Дистеру было легче спуститься к дочери торговца, чем Виктории подняться к сыну графа.

— И все же я уверена, что у меня получится, — с упрямством в голосе проговорила я, тряхнув головой, чтобы часть кудряшек выпала из тугой прически. Мама обожала этот жест и с удовольствием поправляла мои пшеничные кудри, поглаживая меня по голове, как в детстве.

— Ты поможешь мне, мам? — просительно взглянула на нее, прекрасно понимая, что без поддержки родителей воплотить мой задум в жизнь не получится.

— Конечно, солнышко, — со вздохом ответила Виктория, поправляя волосы и попутно с нежностью поглаживая мое лицо. — Мы с папой всегда будем на твоей стороне и поддержим в любой ситуации.

Мне лишь оставалось с благодарностью взглянуть на нее. Ведь она сказала истинную правду. Мои родители — та скала, за которой я всегда смогу укрыться, и это знание наполняло душу теплом и признательностью к удивительной паре дракона и человека.

Глава 7

Итак, у меня было целых три года, чтобы подготовить настоящую военную кампанию против драконьего общества. Я собиралась стать тем самым мягким завоевателем, которому, по моей задумке, надменные драконы должны были сдаться без боя и с большой радостью в плен. А для этого нужно было сыграть на их слабостях. О, поверьте, что люди, что эльфы, что чешуйчатые змеи абсолютно одинаковы, когда дело доходит до любопытства, жадности, ревности и прочих пороков, что совершенно несправедливо называют человеческими.

Поэтому номером один в моем списке была внешность. Привлекательная обертка, на которую так падко большинство. Красотой меня природа на этот раз не обделила. Хрупкая воздушная блондинка с огромными голубыми глазами и нежным личиком в форме сердечка. Абсолютная противоположность здоровой, рыжей Доротеи Маккейн. Я была неплохим алмазом, что при правильной огранке обещал превратиться в настоящий бриллиант.

Танцы были отличным решением. Мне удалось возродить немалую часть таланта эльфийки, и грация, с которой я двигалась и танцевала, вызывала дикий восторг у нанятого учителя из столицы.

— Ах, моя дорогая госпожа Крофтон, вы просто бесподобны! Небесное создание, посетившее нашу грешную землю, и я просто счастлив быть вашим учителем! — смахивал слезу господин Вилларье, что всегда был чересчур экспрессивным и слегка переигрывал. Но он был прав, без ложной скромности скажу, что двигалась я и правда великолепно.

Дальше дело стало за нарядами. Я изучала все веяния моды, сопоставляла с предыдущим опытом и собиралась выработать стратегию. Мне нужны были не просто модные платья. Такое может заказать даже пустоголовая кукла. Мне нужен был вызов, скандал, но тот, что породит восторг и восхищение, а не порицание.

Поэтому к выбору портнихи, что будет шить мой гардероб, я подошла очень тщательно. Мадемуазель Габен была молодой и перспективной портнихой, которой более старые и опытные конкурентки не давали развернуться в полную силу. И она с радостью взялась за заказы для такой богатой и знатной семьи. Мои идеи были для нее в новинку, но она очень быстро включилась, проявляя отменный талант к созданию нарядов. Выбранные модели убедили ее, что меня ждет успех, а значит, юная графиня Крофтон прославит и ее.

Да-да, вы не ослышались! К моему шестнадцатилетию отец наконец-то получил титул графа и милость его императорского величества в виде поместья на севере страны.

Нужно ли говорить, что хозяйство было разорено и заброшено, а также составляло немаленькую проблему для казны? Но его величество здраво рассудил, что у новоиспеченного графа Крофтона хватит денег на то, чтобы поставить графство на ноги.

Такое изменение статуса существенно подняло нас в глазах общества и меня заодно в качестве единственной наследницы. Ловкие дельцы и разоренные аристократы начали интересоваться дочерью графа Крофтона, но папа пресекал их любопытство. Еще бы, мне шел только семнадцатый год, и до запланированной даты было еще далеко. Поэтому я практически безвылазно сидела в поместье и оттачивала еще одно женское оружие — ум.

История, география, политика, экономика, поэзия и философия. С последними двумя проблем вообще не было. Но познавательные беседы напомнили мне, каким острым умом обладали Мария Мещерская и Валентина, и как кавалеры обожали прекрасное чувство юмора Верочки.

А вот загадочность и хитрость эльфийки Элениель должна была сыграть последнюю и очень важную скрипку в будущем дебюте.

Мистификация! Полнейшая и безумная чехарда слухов, созданных с одной целью. Люди должны засыпать и просыпаться с моим именем на устах. Здесь не знали слова «пиар», но я планировала продемонстрировать местным суть и значение этого термина.

И начало этому было положено за полгода до бала.

В то утро завтрак проходил в привычном узком семейном кругу. Мама элегантно поглощала овсянку, я была проворнее и уже допивала нежнейший жасминовый чай, а вот папа только-только разворачивал утреннюю газету, доставленную ему прямо из типографии.

— Что за черт?!!!!! — глаза отца округлились, а потом и вовсе налились гневом.

— Да как они смеют!

Мама испуганно уронила ложку, уставившись на отца.

— Что там, Дистер?!

— Ничего, Викки, просто мерзкая маленькая статейка, полная сплетен.

Но маму было не так просто провести.

— Ну уж нет, Дистер Сириус Крофтон, тебе меня не провести! Говори немедленно, что там написано! — очень-очень редко у мягкой и доброй мамы появлялся вот такой тон. И горе было тому человеку, что пробовал ей противоречить в такие минуты. Папа знал это, но, к его чести нужно сказать, он все же попытался увильнуть.

— Милая, я не думаю, что стоит читать такие никчемные вещи за столом. Аппетит...

— Читай! — в голосе мамы зазвучала сталь, и грозный дракон, самый опасный хищник в природе, жалобно вздохнул и, бросив на меня быстрый взгляд, подчинился.

«Уже совсем скоро приближается такой ожидаемый всеми уважаемыми матронами империи Осенний бал. Благородные семейства прихорашивают своих юных дочерей и готовятся представить новый цветник на суд его императорского величества. Но в такой чудесной благоухающей клумбе не обошлось в этом году без залетных семян. Вот, например, еще до недавно никому не известное семейство К., что получило свой титул только благодаря удивительному стечению обстоятельств и невероятному везению их главы, готовится представить свою единственную дочь. Но что это будет за девица, спросите вы? И не подсунут ли нам сорняк вместо нежной розы? Известно об этой девице очень мало, так как родители прячут ее от общества. Возможно, потому, что у новоиспеченной аристократки еще не появились манеры, приличествующие даме высокого положения? Или единственная наследница страдает каким-то исключительным изъяном? А возможно, дворец ожидают нашествия настоящей дикарки, питающейся со стола руками. Берегитесь, кавалеры, вас могут оглушить и утащить в пещеру. Хотя это вряд ли. Для такого барышня должна превращаться, но, увы и ах, благодаря достоверным источникам нам стало известно, что девица К. совсем не может совершить оборот в дракона. Много вопросов порождает эта дебютантка, но в любом случае, дорогие читатели, Осенний бал сбросит все покровы и маски и рассудит нас с этой неизвестной дамой К.»

Под конец чтения руки у папы задрожали, и он просто смял ни в чем не повинный листок бумаги.

— Ах! — мама прикрыла рот ладонью, чтобы скрыть от папы хитрую улыбку.

— Я уничтожу эту грязную газетенку. Сотру в порошок мерзкую душонку этого журналиста...

— И пустишь по ветру все наши старания, — улыбнулась я папе, решив больше его не мучить, так как белый дракон не на шутку разбушевался.

— Что ты говоришь, зайчонок? — отец опешил от такого заявления и даже присел на стул, с которого вскочил во время чтения.

— Наша дочь говорит, Дистер, что заплатила за эту статью, а некоторые тезисы даже написала сама в моем скромном соавторстве, — мама очень правдоподобно опустила глазки, пряча в них пляшущих свои дикие танцы бесят.

— Но зачем? — Дистер все еще непонимающе смотрел то на жену, то на дочь поочередно.
— Эта статья марают имя Леи!

— О нет, милый, это только первая часть акта, и мы тебя очень просим не вмешиваться, а просто досмотреть представление до конца, — мама была очень убедительна, когда смотрела на папу таким хитрым, многообещающим взглядом.

А все же хорошо, что я взяла ее в сообщницы! Виктория Крофтон оказалась не только отличной матерью, но и самой лучшей подружкой и подельницей на свете. Она давала просто неоценимые советы, привнося в наш план такие хитросплетенные идеи, что мне оставалось только порадоваться, что эта женщина на моей стороне.

— Викки, если ты мне гарантируешь, что это не повредит ни тебе, ни малышке... — начал было папа, но мама его быстро перебила.

— Дистер, я бы никогда не допустила такого. Ты же знаешь!

— Хорошо! — папа сдался под двойным натиском любимых женщин и выбросил белый флаг. — Моя помощь вам нужна?

— Да, — тут уже оживилась я. — Папа, дай денег. Много!

После первой статьи прошла неделя. Столица отсмеялась над жалкой полукровкой и «дикаркой Крофтон», но вскоре их ждало небывалое событие. В столицу явилась целая делегация из очень далекой страны Зулсу. Странные люди, одетые в немыслимые яркие одежды, верхом на верблюдах наводнили город.

Хмурые воины с шоколадной кожей сопровождали караван из ста ослов, груженных огромными сундуками, где весело позвякивало то, что любой меняла узнает на слух. Сладкий звук денег! Воины были суровы и молчаливы, а вот слуги у них не страдали подобной хворью. Один особо разговорчивый любитель выпить разболтал симпатичной служанке удивительную историю, достойную баллады барда или любовного романа на худой конец.

Этот караван принадлежал шаху Барну, повелителю их клана и известному ценителю женской красоты. Однажды один из торговцев Зулсу побывал в этих краях и, прогуливаясь по столице, увидел девушку несравненной красоты. Будто ангел, спустившийся с небес, девица была прелестна и чиста. Пораженный торговец так и застыл на месте, но, увидев, что женщина садится в экипаж и уезжает с драконом, проследил за ней, не в силах удержать свое пылкое южное сердце. Девушка оказалась из знатного рода, и бедняга даже не стал пробовать просить ее руки. Но, владея талантом живописца, запечатлел на холсте образ прекрасной. Да так и уехал в свою страну, страдая от горя и любви.

Оказалось, что торговец тот был давно дружен с шахом, и последний частенько захаживал к нему в гости. И, конечно же, увидел там портрет несравненной. Да и влюбился без памяти, потребовав выдать всю правду про девушку. Торговец отказался отдавать портрет, за что и был казнен, а князь и так узнал, что несравненную красоту зовут Леонора Крофтон. И девушка эта не только красива, но и благородна. Сраженный любовью правитель разогнал весь свой гарем и отправил за прелестницей своих ближайших людей с несметными сокровищами.

Нужно ли говорить, что чем правдоподобнее бред, тем охотнее люди верят в него? Да и наличие каравана было ярким доказательством правдивости истории пьяного слуги. А уж когда иноземцы спросили дорогу к поместью Крофтонов...

Что тут началось! Новость разлетелась по столице подобно пожару, и «дикарка Крофтон» в одну секунду превратилась в «несравненную красавицу Крофтон».

Все гадали, примет ли отец юной госпожи предложение, но в тот же вечер посольство вернулось на тот самый постоялый двор потрепанное и злое, а свидетели говорили, что над поместьем графа бушевал огонь разгневанного дракона.

Раздраженная любопытством публика пыталась разузнать, что да как, но посольство угрюмо молчало, а болтливый слуга лишь боязливо поглядывал по сторонам. При этом представители влюбленного шаха очень быстро собрались и отправились восвояси.

Оставшись без информации из проверенных источников, толпа зевак начала сама додумывать случившееся и пришла к выводу, что граф не хочет отдавать свой драгоценный цветок!

Еще целый месяц в столице гадали, пойдет ли шах войной на империю, чтобы отбить понравившуюся девушку, или просто украдет ее?

Но я не собиралась оставлять почтенную публику без новых слухов и сплетен.

Ха-ха, вы у меня так просто не отделаетесь!

А потом на улицах города появились люди, которые клялись, что точно знают: Леонора Крофтон — чёрная ведьма, продавшая душу тёмной волшбе, и они точно видели, как имперский патруль заходил в поместье Крофтонов, чтобы вытащить злобную тварь за волосы и предать огню.

Но потом, через три дня, оказалось, что никакой волшбы не было, а бедную девушку оболгали. Об этом, утирая слезы жалости и умиления, рассказывал один из тех стражников, что были в патруле и имели честь сами удостовериться в невинности Леоноры Крофтон, которую оболгали злые языки.

А потом вышла сенсация, что Леонора Крофтон на фоне последних событий уходит в монастырь служительниц Дракона Отца, отрекшись от этого жестокого света. И не успели жители столицы оплакать девство удивительной и чистой девушки, как она передумала уходить. Вернее, ее уговорили. Таинственный прекрасный незнакомец, что явно принадлежал к королевскому роду, умолял девицу на коленях поменять свое решение и принять участие в Осеннем балу, где он сможет сделать ей предложение превселебно, открыть свое лицо, скрытое золотой маской.

А потом... меня воровали пираты, я была замешана в контрабанде, моя мать оказалась внебрачной дочерью короля соседней державы (да простят нас дедушка и бабушка), артефакт защиты изобрела я, но при этом потеряла один глаз. Я была высокой брюнеткой, полненькой блондинкой, рыжей без одной ноги. Я прелестно пела, жевала табак, дралась на мечах и чертовски хорошо вышивала крестиком.

Нужно ли говорить, что столица, истерзанная противоречивыми слухами, бурлила и обещала достичь точки кипения аккурат к балу, где наконец-то будет представлена знаменитая наследница? Страсти были такими, что, если к назначенному сроку наследницу Крофтонов не покажут превселебно, столица обещала вспыхнуть бунтом и всей неуправляемой массой пойти брать поместье графа.

Ведь безумие овладело толпой, желающей хоть на мгновение взглянуть на знаменитую Леонору Крофтон. Мое изображение даже начали рисовать и продавать на черном рынке (с нашей легкой руки) как истинный портрет несравненной. Правда, он был нисколько не похож на меня, и существовало около двадцати версий этой живописи, но народ это не смущало. Картины разлетались, как горячие пирожки, и каждый из покупателей искренне верил, что уж его-то точно настоящий.

Правда, проверить это не было возможным. Ведь, воплощая свой замысел в жизнь, мы с мамой перестали выходить за территорию поместья еще за полгода до бала. Конечно, это не останавливало любопытных, а в некоторых особых случаях просто безумных, от попытки пробраться к нам. И вот тут-то прекрасно сработали папины артефакты защиты.

— Ну хоть какая-то польза от этих идиотов, — бурчал папа, снимая очередной экспериментальный артефакт с первого круга защиты и внося тщательные записи его взаимодействия со взломщиком. И уж потом вызывал стражу, чтобы забрали еще одного слегка прокопченного наглеца, уверовавшего, что может пробраться в твердыню Крофтонов и увидеть их сокровище.

И все же единожды мне пришлось уступить чужому любопытству и удовлетворить его лично.

Глава 8

— Леонору хочет видеть император! — объявил папа, войдя в гостиную.

До бала оставалось меньше месяца, и наши тревоги росли вперемишку с радостью за фантастический успех нашего безумного плана.

В принципе, мы готовы были к такому сценарию. Было бы странно, если бы творящийся ажиотаж прошел мимо императорского дворца. Поэтому на случай, если его величество захочет увидеть меня (а он точно захочет), мы с мамой и папой разработали систему действий.

— Ты попросил разрешения привести Леонору под покровом ночи? — с тревогой уточнила мама.

— Да, — кивнул папа. — И мне даже дали высочайшее позволение перенести ее на спине, а не приехать в карете.

Я мысленно присвистнула, оценив масштабы оказанной милости. На территории дворца строжайше запрещено принимать драконью форму, если ты только не представитель императорской семьи или личный гвардеец императора. Да и то последним разрешалось превращаться лишь в том случае, если шел бой и этого требовала защита его величества. Остальные могли попасть во дворец либо на лошадях, либо пешком. А тут такое!

— Он вошел в наше положение и не захотел подвергать риску твою жизнь, солнышко! — подмигнул отец, демонстрируя на запястье магическую печать, позволяющую пройти защиту императорской резиденции.

— Или сохранить свой двор целым и невредимым, — пробормотала мама. — Ведь если станет известно, что Леонора едет во дворец, ему разнесут его по камешкам.

Папа лишь хитро подмигнул мне, а я в ответ усмехнулась. Родители очень быстро втянулись в нашу игру и с удовольствием придумывали новые ходы, зараженные каким-то небывалым куражом. Оправданным куражом! Ведь все, что касалось моей безопасности, исполнялось неукоснительно. Поэтому Дистер и Виктория могли позволить себе расслабиться и, как дети малые, порадоваться маленькой (или не очень) шутке над обществом, что их отвергало.

Конечно, первыми на мою удочку клюнул простой люд. С аристократами было сложнее. Более опытные, пресыщенные и скрытные, они до поры до времени держались в стороне. Но единодушные толпы имеют просто магическое действие, и вскоре большинство дворян пришло к массе поклонников таинственной госпожи Крофтон, желая разгадать ее загадку.

Остальная малочисленная группа представляла собой умных и прозорливых людей, что продолжали наблюдать со стороны или относились негативно, понимая, что же на самом деле происходит. Таких я планировала выявить и покорить. А если не получится, то игнорировать. Что такое голос одного, пусть и здорового человека, против хора хвalebных песен? То-то же!

— Тогда нам нужно как можно скорее подготовиться к встрече с императором, — подытожила я новость, принесенную отцом. — Мам, нужно поторопиться!

— Конечно, милая, иду! — ответила Виктория.

Как я уже говорила, вызов во дворец был делом ожидаемым. Его величество не мог пройти мимо такой суматохи, и именно для этого конкретного случая мы и приготовили особенный наряд. Перед императором должна была предстать юная, милая девушка. Скрамная, воспитанная и совершенно неопасная.

Ведь любопытство любопытством, а такой ажиотаж мог иметь последствия, и император должен был поверить, что со стороны миленькой, но юной и неопытной госпожи Крофтон сюрпризов не будет. (Одно представление с шахом чего стоило. Я бы на месте императора к себе точно присмотрелась.)

Поэтому, облачившись в простое, но элегантное платье и набросив плащ с темной вуалью, я поспешила забраться на спину папе под последние наставления и благословение мамы.

Ведь императору тоже была отведена важная роль в нашем плане, и Виктория нервничала вдвойне. И за дочь, и за поставленные цели.

Ну а я была уверена — у нас все получится. Ведь как пелось в одной песенке из моей последней жизни:

«И только смелым покоряются моря». Именно такой я и собиралась быть. Смелой, отважной, дерзкой, сильной... Но только не сегодня! Сегодня я буду ласковой, скромной и хитрой.

На дворе стояла глубокая ночь, но нас с отцом встретила яркая иллюминация дворца и личная охрана императора. Папа терпеливо позволил нас проверить, но категорически запретил заглядывать мне под вуаль. Я была очень удивлена и чуть ли не рассмеялась в лицо страже, когда поняла, что эти суровые и бесстрашные воины-профессионалы ничем не лучше базарных кумушек, скупаемых любопытством. Им так же не терпелось увидеть красавицу Крофтон, как и остальным, но я игриво покачала пальчиком под грозный окрик папы.

Шоу сегодня не предвидится, господа!

Император ждал нас с нетерпением и сразу же кинулся ко мне, загородив собой весь горизонт. Если Эвиан и Дистер были высокими, то Аркул Второй был настоящим великаном. Самая крупная особь, как сказали бы на уроке биологии на моей любимой Земле.

— Как я рад видеть тебя, Крофтон, и твою прелестную дочь! — император стоял почти впритык, и от его громоподобного голоса дребезжали даже вазы на декоративных столиках. Кстати, странно, что он один. Ни супруги, ни охраны, ни принца... Интересно! Опасается или провоцирует на необдуманные поступки?

— Я много слышал о тебе, Леонора Крофтон, — продолжил император, сверля взглядом черную вуаль. — И очень хотел бы увидеть свою знаменитую подданную.

Ни то ни другое, с облегчением выдохнула я. Простое любопытство одолело главного ящера. И поэтому, когда моя рука подняла вуаль, Аркура Второго осветила лучезарная улыбка, рожденная облегчением.

— Да-а-а... — протянул император, разглядывая мое хорошенькое личико, украшенное золотистыми локонами. — Хороша, бесспорно хороша! Только я вот все никак не пойму...

Начал было он, но умолк. Несмотря на высокий сан и сильную звериную ипостась, император был драконом добродушным и простоватым. Нет, он, естественно, был красив, но большой рост и сильная мускулатура, затянутая в торжественный камзол, наполнили его, создавая ощущение этакого увальня. А пышные усы, слегка красноватые щеки и постоянная улыбка довершали образ. Но я не обольщалась! Будь и правда он таким наивным, не правил бы страной твердой рукой. Да и я, признаться, выглядела нежной фиалкой, а носила в себе вон сколько разных сюрпризов.

— Почему столько шума вокруг моей особы? — спросила я тихим и нежным голоском, опустив глаза в притворной скромности. — Людям скучно, вот они и травят небылицы. А я хороший объект для человеческой фантазии, ведь из-за болезни матушки практически не выхожу на улицу.

— И правда, — согласился император, и в голосе его послышалось разочарование, но он тут же воспрянул, и глаза его снова зажглись охотничьим азартом. — Но ведь посольство от шаха было!

— Было, — согласился папа. — Но только не к Леоноре, а ко мне. Под благовидным предлогом пытались переманить к себе.

— А почему ты мне этого не рассказал? — возмутился император.

— А вам разве не доложили? — папа очень искренне удивился. — Я же поведал все начальнику стражей, лично пригласив его к нам.

Да-да, и при этом убив двух зайцев сразу. Отмазался за посольство и породил легенду об обыске в доме Крофтонов.

— Хм-м-м... — глубокомысленно ответил Аркур. — Хм-м...

Повторил он уже, глядя на меня.

— И что, пираты не похищали? — я со смехом замотала головой. — И контрабандой вы не занимаетесь? А может...

— Ваше величество! — с упреком сказал отец.

— Ладно, ладно, я понял, — сдался правитель, понимая, что сенсации сегодня не будет.

Воспользовавшись возникшей паузой, я решила наконец-то обратиться с той просьбой, что была очень важна для нашего плана.

— Ваше величество, раз уж мы здесь. Позвольте обратиться к вам с маленькой просьбой, — я посмотрела на правителя очень смущенно и жалобно.

— Говорите, душенька, — хоть император и был разочарован отсутствием скандала, но оставался все таким же джентльменом по отношению к даме.

— Вся эта суматоха и внимание к моей особе очень угнетают. Осенний бал — главное событие в жизни девушки, и я очень переживаю, что людское любопытство может мне сильно навредить в этот день.

Я сделала театральную паузу и пустила скупую слезу. Папа достал платочек и галантно протянул актрисе погорелого театра. Мне почему-то вспомнилось, как в детстве он брал такой же платочек и старательно вытирал сопливый нос драгоценного чада. На минутку представилось, что он повторил такой фокус сейчас, и улыбка сама полезла на губы, чуть не испортив всю игру, но я быстро себя одернула.

— Я хотела вас попросить, ваше величество, позволить мне опоздать на мероприятие, чтобы толпа зевак разошлась и я могла свободно войти во дворец беспрепятственно.

— О, душенька, — просьба была странной и немного неуместной. Опоздать на бал значило показать неуважение монарху. Но если сам монарх позволил это, то тут уж...

— Я согласен, — после некоторого раздумья ответил император. — Вы мне нравитесь, душенька, я прекрасно понимаю ваши опасения. Поэтому позволяю вам не просто опоздать, а прийти после меня. Вот только...

Ого, вот это удача! Прийти позже монарха — это даже лучше, чем наш изначальный план. Правда, смущает эта заминка: «Вот только...»

— Я согласен, только вы показываете сейчас обе ноги! — выпалил покрасневший император.

— Ваше величество! — наш сложенный с отцом стон прозвучал одновременно.

Глава 9

И вот день «Х» наконец-то наступил. Зеваки еще с ночи занимали места у ограды дворца в предвкушении. Еще бы, вот здесь вот, по этой дороге, проедет Леонора Крофтон. Та самая, между прочим. Интересно, у нее действительно есть хвост? Или она так прекрасна, что все ослепнут, как это случилось с пьяным сапожником, увидавшим прелестную деву однажды вечером и потерявшим зрение на один глаз. При этом сам он клялся, что видел не кого-нибудь, а саму графскую дочку, и катаракта к его печалям не имеет никакого отношения.

Но толпа все больше волновалась, подогреваемая подобного рода слухами, и прилиwała волнами к любой карете, что подъезжала к императорской резиденции.

Увы, все эти любопытные еще не знали, что Леонора Крофтон не появится сегодня перед их глазами. Но я готовила утешение разочарованным зевакам, что сослужили мне прекрасную службу. Как только я войду в бальный зал, специально обученные мальчишки раздадут толпе вечерний выпуск газет с моим портретом на главной странице. Истинным портретом, ну, может, слегка ретушированным.

Но в общем я собиралась кинуть косточку любопытным, а вот главные зрители ждут меня на самом балу. Главный и решающий бой в войне, которую никто не объявлял.

Я еще раз погладила нежно-голубое платье, украшенное узорами из серебряной нитки и вставками из прозрачного шелка. Когда я шла, оно шевелилось, и создавалось впечатление, что я лечу. Это платье делало меня чрезвычайно легкой, милой и воздушной. Нежное виденье да и только.

И поэтому я со вздохом отложила его, пообещав себе, что, как только займу желаемое положение, обязательно его надену. Но не раньше, чем каждый, кто увидит меня в нем, не будет ни капельки сомневаться, что весь этот хрупкий образ всего лишь маска, за которой прячется королева. Да-да, ни больше ни меньше.

— Приступайте! — приказала я специально нанятой прислуге для этого вечера. Час настал! Родители уже попрощались и отправились на бал, приняв на себя первый удар. Я же собиралась проникнуть на праздник через специальный ход и оказаться в зале точно в то время, когда его величество сядет на трон.

Служанки засуетились, наводя красоту и выстраивая соответственный образ. Все это закреплялось специальным артефактом, гарантируя, что ни один локон не потеряется и ни одна черточка макияжа не сотрется.

— Госпожа, платье, — служанки присели, внося завернутый в черный чехол наряд, под которым виднелся еще один, из более тонкой, но прочной ткани.

— Карета готова? — спросила я, обдумывая, сколько времени у меня есть.

— Да, госпожа, — ответила старшая из нанятой прислуги. — Господин прислал гонца. Все готово!

— Ну что ж, — улыбнулась я своему отражению, — тогда приступайте!

Через полтора часа я стояла в пустом коридоре дворца под ошарашенными взглядами лакеев и ожидала, когда церемониймейстер объявит о моем присутствии.

— В-ваша светлость? — неуверенно переспросил меня королевский распорядитель.

— Графиня Крофтон, — ответила я надменно, вручая записку с приглашением и собственным титулом.

— О, мадам! — в голосе придворного послышалось благоговение. Император явно позаботился, чтобы распорядитель был в курсе нашей маленькой договоренности. Но кто же такая эта легендарная Леонора Крофтон, что даже правитель готов идти ей на уступки?

— Прощу! — указал он мне на двери. Я незаметно набрала воздух в легкие.

«Что умеют звезды лучше всего?» — тихонько прошептала себе под нос.

— Вы готовы, леди? — переспросил церемониймейстер, и я кивнула, снова пробормотав:

«Что умеют звезды лучше всего?»

— Ее светлость графиня Леонора Крофтон, леди...

«Что лучше всего умеют звезды?» — в третий раз тихо спросила себя.

Огромные створки бального зала распахнулись, обрушивая на меня поток света от хрустальных люстр и дохнув жаром зала.

— СИЯТЬ!

Ответила сама себе, родив на губах победную улыбку, и ступила в переполненный зал.

Придворные изнывали от любопытства и разочарования. В этом году бал должен был выдаться особым. Его ждали с нетерпением не только дебютантки и их мамы, но и выдавшие виды дворяне постарше. Ведь именно в этом году должен был состояться дебют знаменитой девицы Крофтон. Такой воспетой и обласканной слухами в народе.

О, не только простолюдины гадали, есть ли хвост под пышными юбками полудраконессы! Но, в отличие от них, элита делала это изящно и завуалированно.

— Значит, она и правда страшна, как смертный грех, — хихикнула одна из дебютанток подружке, — вот и не пришла.

— Какой позор, — покивала другая девушка, втайне радуясь, что никто не затмит ее дебют. А ведь риск был! Еще какой! Но так же втайне она вздыхала. А вдруг тот самый загадочный красавец в маске исполнил свое обещание и украл везучую девицу Крофтон еще до бала? Какой скандал! И какая романтическая любовь!

— Крофтоны оскорбили императора, — шипела змеей на ухо своему мужу одна из матрон, попеременно следя то за своей дочерью в среде таких же «новобранцев», вступающих в ряды высшего света, то за уже упомянутой парой. — Он им не простит отсутствие наследницы.

Но ни Дистеру, ни Виктории, получившей первое в жизни приглашение ко двору в этом году, дела не было до шушуканий за спиной. Сама «неблагородная» графиня ради такого случая встала на ноги, и граф очень переживал за нее. Выдержит ли? Не станет хуже?

Отчего эти тревоги отображались на лице дракона, и жадная до слабостей толпа приписывала это отсутствию Леоноры на балу.

— Какой промах!

— Какое разочарование!

— Его императорское величество, государь Аркур Второй! Ее императорское величество, государыня Галатея! Его императорское высочество принц Дерек! — провозгласил церемониймейстер, и вся толпа благородных и родовитых тут же выстроилась в один коридор, как дрессированные лошади в цирке.

Император важно прошествовал к трону, придерживая свою хрупкую и бледную, как моль, супругу. Ничего удивительного, ведь императрица относилась к особому виду драконов. Драконы тени — редкие и обладают магией маскировки. Из императрицы получился бы прекрасный разведчик, если бы судьба не свела ее с Аркуром Вторым. А вот сын пошел в отца и уже сейчас заставлял почти всех придворных смотреть на него снизу вверх и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Кстати, принца Дерек мог обойти разве что герцог Эвиан Росс. Но тому по статусу положено было. Что вы хотите — прославленный герой Корнуилской войны.

В это время королевская семья достигла трона, и его императорское величество грузно уселся на него. Ну всё! Больше сюрпризов и новостей ждать не приходилось, ведь все знают, что, если император пришёл...

Бах!

Удар жезла церемониймейстера прозвучал как удар грома, заставляя двор шокированно замолкнуть и уставиться непонимающе на дверь. И лишь только император понятиво улыбнулся, сжав руку казавшейся безучастной императрицы.

— Ее светлость графиня Леонора Крофтон, леди...

Слова, произносимые распорядителем, заставили волну вдоха пробежаться по рядам знати, но, когда двери распахнулись и в зал вошла..... Оооооооо!!!! Это зрелище!!!! Этот бал! Его запомнят на десятилетия вперёд.

В зал вплыло дивное видение и остановилось на вершине лестницы, чтобы застывший в восхищении двор мог рассмотреть и красоту девушки, и ее необыкновенно эффектную позу, и немыслимое платье, неведанное до этого.

Сотканное из непонятной ткани, оно создавало видимость, что девушка облачена в звёздную пыль, осевшую на ее коже и принявшую удобную для красавицы форму. При этом сама внешность благородной дамы не терялась на фоне платья, о нет. Хрупкая фигура, но какая аппетитная! Идеальные формы, слегка подчёркнутые золотой тканью. Покатые плечи, что потом еще долго будут преследовать местных ловеласов во снах. Красивое личико в форме сердечка с пухлыми губами, обрамлённое золотыми локонами, которые украшала лишь нить жемчуга, но как! Будто обруч власти, королевский символ обхватывал высокий лоб и гордо поднятую голову.

О да, девица имела внешность нежную и прекрасную, но только слепец мог принять её за глупый невинный цветочек, что можно пересадить в собственный сад и радоваться ему.

О нет! Царица, муза, повелительница! Вот о чём говорили ее голубые бездонные глаза. Я госпожа ваших душ! — кричал ее гордый профиль.

А потом она ПОШЛА!

— Богиня! — ахнули самые несдержанные, за что получили гневный, ревнивый взгляд от своих спутниц.

И правда! Так могла двигаться исключительно богиня, сошедшая с небес в казавшийся теперь не таким пышным и вычурным императорский зал.

Девушка парила над лестницей, спускаясь все ниже и приближаясь к парализованной таким зрелищем толпе.

Но не остановилась. Порхнув дальше по образовавшемуся перед ней стихийному коридору, «богиня Крофтон», как будут кричать завтра все заголовки газет, прошествовала прямо к трону и склонилась в изящном реверансе перед императорской четой и принцем.

— Леди Крофтон, я рад, что вы воспользовались моим советом и пришли позже! — император был ни капельки не удивлен и выглядел очень довольным. — Такой цветок, как вы, займет достойное место при нашем дворе.

Обвел он рукой толпу придворных.

— Благодарю, ваше величество! — девушка изящно и величественно склонила голову.

— Я тоже очень рада, — тихо прошелестела императрица. — Милая, я также желаю видеть вас в своем обществе и обязательно узнать имя той феи, что сотворила ваш наряд.

— Всенепременно, ваше величество, — на этот раз улыбка, что озарила губы Леоноры Крофтон, была понимающей. Женщины всегда... Такие женщины.

— Первый танец мой! — без каких бы то ни было расшаркиваний заявил принц, тряхнув гривой бесцветных кудрей, а потом немного подумал и добавил: — И второй тоже!

Взгляд императрицы стал недовольным, но не гневным, и поэтому девушка ответила в третий раз.

— С большим удовольствием, ваше высочество!

И, изобразив еще один поклон, полный собственного достоинства, направилась к родителям, чьи глаза светились радостью и гордостью. Толпа расступалась перед ней, как море перед пророком, покоренная гордой статью и необыкновенной красотой девицы. И можно было ска-

зять, что с этого дня Леонора Крофтон взобралась на самый олимп общества, где обещала властвовать многие годы.

Глава 10

3 месяца спустя....

— Вы слышали? Герцог Росс возвращается!

От упоминания этого имени я внутренне вздрогнула, и мне понадобилась вся выдержка, чтобы не выдать своего отношения.

— Изабелла, где твои манеры? — моим тоном можно было замораживать реку. — Ты же не на базаре, а в приличном обществе!

Девушка покраснела и пролепетала:

— Простите! — присаживаясь за стол, где уже сидели я и мои «подружки». Девушки благородных семейств, что «души не чаяли в милой Леоноре». Эти малолетние хищницы искренне надеялись, что смогут урвать хоть кусочек моего успеха и славы, если будут крутиться рядом. Я не возражала.

Во-первых, королеве всегда нужна свита. А во-вторых, народная мудрость гласила, что друга нужно держать близко, а врага еще ближе. Поэтому я привечала этих мелких пираний. Пусть лучше завидуют и плетут интриги под присмотром, нежели занимаются творчеством в свободном плавании.

Кстати, среди них была и та самая девушка, что три года назад так уничижительно отзывалась обо мне и родителях. В этом же кафе, где мы сегодня поглощали мороженое. Я ничего не забыла и готовила ей маленький сюрприз.

Но тут Изабелла, самая глупая и несдержанная из моей «свиты», испортила все настроение. Герцог Эвиан Росс возвращается! Будем честными, это было последнее, что я хотела бы услышать, и не только сегодня.

В идеале все, что мне хотелось бы знать о несостоявшемся муже, это то, что он сгинул в далеких песках Корнуила, завоёвывая очередное дикое племя. Там ему было самое место! У дикарей, то бишь.

— А еще говорят, что с ним едет какая-то чернокожая девушка, — Изабеллы хватило ненадолго. В отличие от остальных, уже отлично вышколенных девиц, она была новенькой и еще не научилась улавливать мое настроение, а также оценивать его правильно. — Она будто бы дочь вождя покоренного племени и его... ох... дама сердца.

Презрительная складка легла у края моих губ, и девушки растолковали ее по-своему.

— Оу, бедная Корделия, — подхватила разговор Эбигейл Сирни (та самая девушка из прошлого), пряча за жалостливым тоном самодовольство и злорадство. — Какой позор и унижение, когда тебе изменяет жених накануне свадьбы!

«Скоро узнаешь», — мысленно ответила я ей и приказала-попросила.

— Изабелла, ты не могла бы пойти и заказать нам еще немного клубничного мороженого?

Девушки рядом хихикнули, а Изабелла растерянно уставилась на меня.

— А?

— Мороженое! — указала я на красивую голубую витрину, расположенную достаточно далеко от нас. Вообще-то для этого существовали официанты, но ее болтовня так раздражала, что у меня начинала болеть голова.

Конечно, мои спутницы расценили это как унижение новенькой, но я просто хотела, чтобы она замолчала. Да и нечего ей среди нас делать. Она слишком наивна и простовата. Ее очень быстро съест какая-нибудь Эбигейл, а этого не хотелось бы. Рядом со мной опасно, и в лучах славы может опалить чьи-то нежные крылья.

Решено, сведу ее с бароном Ольреном. Простоватым парнем и одним из моих поклонников. Из них выйдет прекрасная пара, что сможет построить счастливую семейную жизнь. А если повезет и они окажутся истинными...

Колокольчик нервно звякнул, и на пороге показался тот, кого я здесь и поджидала. Высокий, красивый брюнет граф Юлиан Фертон.

Он пробежался по залу взглядом и быстро нашел наш столик. Лишь на минутку замерев, увидев рядом обрадованную Эбигейл, граф снова перевел взгляд на меня и решительно направился к нам.

— Добрый день, леди Крофтон, — Юлиан остановился рядом со столиком, сконцентрировав все внимание на мне. — Дамы.

Легкий кивок в сторону остальных — и снова на меня. Я неторопливо зачерпнула ложечкой малиновое мороженое и изящно отправила его в рот, прижмурив глаза от удовольствия. Кавалер сглотнул, но терпеливо дожидался, когда я проглочу угощение и соизволю обратить на него внимание.

— Здравствуйте, лорд Фертон. Какими судьбами? — я больше почувствовала, чем увидела, что Эбигейл напряглась, но вставить слово не посмела.

— Я... Я пришел поговорить с вами, Леонора, — и все же он нерешительно покосился на леди Сирни, что в свете считалась его невестой. Почти, так как помолвка не была объявлена, но я точно знала, что змея Эбби крутила шуры-муры с Фертоном и в потаенных мечтах видела себя графиней.

— Тогда говорите, граф, — я благодушно махнула рукой, давая позволение.

— Я бы хотел поговорить с вами наедине, — с намеком ответил Юлиан, но он забыл, какой вздорной умеет быть красавица Крофтон.

— Ни к чему такие меры, — я улыбнулась своей фирменной улыбкой, за которой скрывалась насмешка, и передернула плечами. — Говорите здесь. У меня нет секретов от дорогих друзей.

Я обвела рукой притихший стол, в том числе и Эбигейл.

— Но как же... — граф замялся, явно не желая раскрывать душу публично.

— Вы передумали? — я приподняла бровь. — Тогда не смею вас задерживать.

Я многозначительно указала на выход.

— Хорошо, — зубы графа скрипнули. У него все же была своя гордость, но меня ему заполучить хотелось больше. — Я пришел сказать, что поражен в самое сердце вашей красотой, Леонора, и официально хочу попросить вашей руки.

Граф начал опускаться на одно колено, но тут... Вжик! Стул Эбигейл отлетает в сторону, и, захлёбываясь рыданиями, девушка бросилась к выходу из кафе.

Юлиан на секунду застывает, провожая ее глазами, но, увидев мой внимательный взгляд, продолжает опускаться на одно колено.

— Не стоит! — я останавливаю его в тот момент, когда он почти коснулся пола. — Я благодарна вам, дорогой граф, за ваше предложение. Оно делает мне великую честь.

Я сделала паузу, чтобы все оценили степень моего лукавства.

— К сожалению, я не могу принять его, но надеюсь, что на наши с вами теплые отношения это никоим образом не повлияет и мы останемся друзьями.

— Друзьями? — гнев заставил графа вскочить с места. — Жестокосердная гордячка...

— Не стоит! — я усмирила его одним взглядом и тоже поднялась. — Говорить то, о чем позже пожалеете. Идемте! Я наелась!

Бросила девицам и вышла из-за стола. Поравнявшись с кипящим яростью графом, я шепнула так, чтобы слышали только он и я.

— И примите дружеский совет, Юлиан, — я выделила слово «дружеский». — Лучше крепко держите синицу в руках, чем заглядывайтесь на журавля в небе.

И с этими словами леди Крофтон покинула кафе, даже не озаботившись убедиться, что «свита» идет следом.

И нет, я специально не влюбляла в себя Фертона. С этим он прекрасно справился сам. Поведясь на бушующую среди аристократов моду называть дамой сердца Леонору Крофтон. Более того, существовало пари, обещавшее огромные деньги тому, кто покорит гордую девицу, получив одновременно и сразу два сладких приза.

Но я только посмеивалась над их ухищрениями, ловко уходя от старых, как мир, ловушек. Конечно же, будь я юной, восемнадцатилетней девушкой, то это бы сработало. Но, к несчастью местных ловеласов, наивных влюбленных дурачков и заядлых «охотников», я имела опыт, которого хватит не на одну хорошенькую голову.

А вот сцена в кафе, признаюсь, была моих рук дело. Эбигейл в последнее время стала зарываться и слишком проявлять свой желчный нрав. Поэтому я решила немного остудить пыл обоих. Ветреного и жадного Фертона и ядовитой, подлой Сирни.

Но на самом деле не это представление взбудоражило меня, а новость, что принесла глупышка Изабелла.

Эвиан возвращается, и это вызывало... тревогу. Я прекрасно понимала, что лучше бы нам с герцогом больше никогда не встречаться, но в данных реалиях это невозможно. Я не боялась Росса, но я боялась, что его дракон меня узнает. И черт его знает, как себя поведет. А если истинность снова проявится? Ну нет! Уж лучше в пропасть с головой и на перерождение. Теперь я знала, что такое возможно, и меньше боялась смерти, чем раньше. Но что-то мне подсказывало, что не просто так я оказалась именно в том месте и в то время, где закончилась моя первая жизнь. И что у этого всего есть свой сакральный смысл. Который ну никак не может быть связан с тем, что мы с герцогом снова окажемся парой. Вот никак! Иначе пропасть и перерождение!

Мысленно пригрозила я неизвестному вершителю судеб, возведя глаза к потолку. О да! Я злопамятна и упряма! И на этот раз не позволю себя привести к Эвиану, как бычка на веревочке. И будет все только по-моему.

Хотя в груди все еще скребло неприятное чувство, похожее на страх, но я твердо решила ему не поддаваться. Или вообще забыть о герцоге Россе? Как же не хочется мне видеть его самодовольную, драконью рожу.

— Лея, детка, ты уже собралась? — мама заглянула в комнату проверить, готова ли я.

Я на мгновение залюбовалась ею. И все же наша авантюра имела ошеломительный успех, ради которого стоило повторить это еще сотни раз и выкинуть втрое больше золота. Мама просто расцвела, занимаясь моим возвышением в обществе. Она так увлеклась интригами и заговорами, что даже не заметила, как болезнь начала отступать, сгорая в огне ее кипучей натуры. И я, и папа не могли нарадоваться, прекрасно понимая, что мама наконец-то нашла дело по душе и во мне воплотила собственную мечту.

Я не была против, но вечно играть в эти игры не собиралась. Однажды мне это все окончательно надоест... Но не сейчас.

— Почти! — я улыбнулась Виктории, облаченной в красивый зеленый наряд. Она уже и забыла, наверное, о том, что вечность не садилась в инвалидное кресло. Да и лекарства от боли периодически стала забывать. Доктор сказал по секрету, что еще немного подобного поведения, и он подсунет ей витамины вместо болеутоляющего.

— В чем ты сегодня будешь? — обвела она комнату, так и не увидев моего наряда.

— В голубом, — ответила ей. Служанки вот-вот должны были принести его из прачечной, где освежали его вид.

— О, то самое, — мама прекрасно поняла, о каком голубом я говорю. — Твое особенное платье. Ну что ж, прекрасный выбор. В нем ты будешь просто сногшибательно выглядеть. Но раз это особенное платье, значит, и день сегодня должен быть особенным.

Мама подмигнула, приправляя это пророчество нотками игривости. Я улыбнулась и подмигнула в ответ.

— Посмотрим, мама, все посмотрим!

Глава 11

Как всегда, мое появление на балу не осталось незамеченным. Хозяйка, маркиза Лютертон, была до неприличия счастлива заполучить к себе в гости ставшее чрезвычайно модным семейство Крофтонов.

— Как я счастлива, как я счастлива, — лепетала она, пожимая руку мамы (на которую даже бы не взглянула в былые времена), в то время как ее муж пожирал меня своими большими глазами, похожими на коровьи. — Столько важных персон в гостях. Мой бал станет одним из самых интересных в этом сезоне.

Ах да, забыла упомянуть, что именно к маркизе Лютертон собирался явиться его высочество принц Дерек. О чем он и сообщил в записке, присланной по нашему тайному каналу.

Так уж получилось, что именно Дерек стал моим единственным настоящим другом в высшем свете нашей империи. Но сначала принц претендовал на большее. До того, как коснулся моей руки и с сожалением узнал, что сводящая с ума красавица не является его истинной.

Меня откровенно смешила эта наивная вера в истинность. Чем-то Дерек напоминал меня в образе Доротеи. Его глубокая, почти фанатичная вера в чудеса большой любви, благословенной богами, смешила и умиляла. В дальнейшем я периодически порывалась рассказать ему неприглядную правду, но все время откладывала. Не знаю, имел ли к этому отношение образ родителей, что каждый раз вставал в такие моменты перед глазами. Но принц все еще носился со своими иллюзиями нетронутым.

Но, несмотря на то что я не оказалась его истинной, он нашел во мне кое-что другое. Интересную личность и отличного собеседника. Для большинства дам высшего света это прозвучало бы странно, но нас с Дерексом сроднили философия и поэзия.

В последующие приемы, после моего дебюта, как-то само собой выяснилось, что мы любим одних и тех же мыслителей, но при этом придерживаемся прямо противоположных взглядов на их наследие. В общем и целом именно в спорах, проведенных в беседах и чужих садах, когда другие парочки целовались, родилась наша дружба и родство душ.

— Проходите в зал, и приятного вам вечера, — взял наконец-то слово хозяин дома и сделал приглашающий жест внутрь.

Мы поблагодарили и прошли в указанную сторону. Конечно же, зал маркизов Лютертон был в разы меньше императорского, и всех гостей здесь видно было как на ладони.

Черт! Конечно же, толпа поклонников ринулась ко мне, беря в кольцо и закрывая от окружающих, но я успела заметить ЕГО!

— О, это же герцог Росс собственной персоной, — сказал папа, высмотрев Эвиана в конце зала, пока я отвечала на любезности кавалеров. — Леонора, Виктория, вы не против, если я отойду? Или желаете пойти со мной?

Спросил граф Крофтон, на что мужчины, искавшие моего расположения, приуныли.

— Нет! — мой ответ был чересчур поспешным, но я просто дьявольски не хотела пересекаться с драконишкой.

Папа странно взглянул на меня. В глазах мамы тоже читалось недоумение, но я лишь покачала головой. Все в порядке! Все в полном порядке!

— Хорошо, я пойду!

Папа направился к герцогу, и я вздохнула, постаравшись отгородиться от нервных мыслей. Никакой паники и никаких контактов! Все обязано быть хорошо.

И о чудо! Полчаса примерно так и было, а потом... Ох, папа, папа, ну почему ты не умеешь читать мыслей? Дистер Крофтон вернулся в наш кружок, ведя с собою мою смерть в прямом и переносном смысле этого слова.

— Позвольте представить вам, дорогой Эвиан, мою жену Викторию и мою дочь Леонору, — мама протянула дракону руку, а я, в отличие от нее, просто присела, проигнорировав вопросительно поднятую бровь.

— А это мой старый знакомый, герцог Росс, — представил Дистер Крофтон, с недоумением смотря, как я побледнела, а потом покраснела и молча уставилась в пол.

Но знал бы он, как сейчас по моей спине ползут капли холодного пота, а перед глазами стоит картина из храма. Где жрецы уже готовились распинать мою бедную душу.

— Мне так приятно познакомиться с вами, ваша светлость, — мама взяла инициативу на себя, видя, как всегда такая уверенная в себе дочь будто в рот воды набрала. — Слышала, вы только вернулись из Корнуила?

— Да. Неделию назад я прибыл в столицу с трофеями для его императорского величества, — ответил Эвиан, не сводя с меня заинтересованного взгляда. Как, впрочем, и другие. Где это видано, чтобы уверенная гордячка Крофтон, о которой до сих пор по столице гуляют сотни различных слухов, молчала, как служительница храма перед главным жрецом.

Но мне было плевать на то, что они подумают. Я стояла ни живая ни мертвая, следя за тем, чтобы даже краешек платья не зацепил герцога, и молясь, чтобы он поскорее убрался восвояси.

— Ваша дочь так молчалива, — вдруг выдал Эвиан, обращая внимание на меня. — Вам нравится бал, леди Крофтон?

Пришлось сглотнуть ком, чтобы прочистить горло и выдушить парочку звуков.

— Да, ваша светлость, он довольно мил.

— Не хотите ли потанцевать? — Эвиан протянул мне руку. — Дистер, ты позволишь?

— Простите, ваша светлость, я не могу, — покачала я головой и вцепилась в локоть матери, как утопающий за соломинку. — Мама, мне нехорошо, можем ли мы выйти в сад?

К черту манеры! К черту все! Я не хочу больше ни минуты находиться рядом с ним и чувствовать, как петля сильнее сжимает шею.

— Да, милая, конечно, — голос матери был полон тревоги.

— Я с вами... Прости, Эвиан, — начал было папа, но мама махнула рукой, давая ему намек остаться и прикрывать тылы. Папа понял и, кивнув, обратился к герцогу.

— Где-то здесь я видел стол с хорошим виски!

Мама помогла мне добраться до сада, попутно отгоняя настырных, желающих перекинуться словом с «несравненной» леди Крофтон. Правда, с каждым шагом, что мы отходили от герцога, мне становилось все легче и легче дышать.

И когда Виктория нашла укромную беседку, спрятанную за живой изгородью, я уже полностью пришла в себя.

— Мама, я в порядке, — заверила родительницу, что места себе не находила от волнения. Я же по глазам вижу, что она уже успела себя накрутить.

— Солнышко, ты только скажи, и мы тут же уедем домой, — заверила мама, проверяя лоб.

— Все в порядке, — я поймала ее руку и поцеловала с благодарностью. — Закружилась голова, но на свежем воздухе стало легче. Я здесь посижу немного, приду в себя. А ты можешь идти, а то папе не будет с кем танцевать.

— Потерпит без танцев, — хмыкнула она и присела рядом. — Как тебе герцог?

Осторожно спросила родительница. Этот разговор Виктория всегда заводила, когда рядом находился подходящий, по ее мнению, кандидат в мужья.

— Мама, нет, — слишком горячо и поспешно вскрикнула я. — Точно не он!

— Точно?! — мама подняла бровь, а потом хитро улыбнулась. — Ну как знаешь... Точно.

Да, возможно, я на ее месте подумала так же, но только не с герцогом Россом. Бр-р-р! Меня выворачивает только от одной мысли, что он может ко мне прикоснуться. Нет, не в

плане как мужчины к женщине, а в плане того, что такое прикосновение позволит ему узнать неуловимую душу его загубленной истинной.

— И все же иди, — попыталась я спроводить мать. — А по дороге, если принц Дерек уже приехал, напомним ему, что я здесь.

Тактика сработала, и Виктория, весело улыбнувшись, сказала:

— Ну если так... Пойду потанцую с папой и обязательно поздороваюсь с наследником, как верная подданная империи.

О, мама прекрасно знала, что мы с Дерекком просто друзья, но мечтать-то никто не запрещает, правда же?

На самом деле сейчас я готова была выскочить замуж хоть за Дерека, хоть за самого черта, если это защитит меня от Эвиана.

Нет, у папы есть деньги и влияние, но... В моем сердце продолжал жить иррациональный страх, что рано или поздно Эвиан до меня доберётся и завершит начатое.

— Все хорошо! — повторила я себе несколько раз, когда мама ушла и подступающую панику уже не нужно было сдерживать. — Все будет хорошо!

Стараясь усмирить бурю внутри, я поднялась со скамейки и подошла к краю беседки, опершись рукой о колонну у входа.

— Однозначно, — прозвучал в тишине, как гром среди ясного неба, голос герцога Росса, и мою руку сжали, уверенно потянув на себя.

Время замерло! Сердце упало в глубокий обморок! А я с отчаянием уставилась на то место, где соединились наши руки. Вот сейчас, оно сейчас себя проявит! Но шла минута, другая...

— Вы уже лучше себя чувствуете? — спросил Эвиан, продолжая мягко тянуть меня к себе.

— Что, простите? — где же эта проклятая метка, почему не появляется?

— Я спросил, как вы себя чувствуете?

Ее нет! ЕЕ НЕТ!!!! Метки НЕТ!!!! А-а-а-а-а-а!!!!!! Ошеломительное чувство счастья хлынуло у меня в груди, и впервые за этот вечер я подняла глаза на герцога Росса. Все так же красив и безупречен. И так же безразличен мне! Все! Теперь все закончилось! Ему меня никогда, никогда не поймать!

Сияющая улыбка осветила мое лицо, и я ответила певучим голосом.

— Я чувствую себя просто прекрасно, ваша светлость.

Какое же это счастье — быть свободной.

— Я рад, — ответил герцог, подходя ближе. — Тогда, может, подарите мне танец?

— Ни за что! — все так же ласково, улыбаясь, ответила по слогам. — И руку мне, пожалуйста, верните. Вы взяли ее без разрешения.

— А у мышки, оказывается, есть зубки? — он приподнял одну бровь, но руку отпустил. Мышка? Серьёзно? Он что, реально думает, что этим меня спровоцирует?

— Какой изысканный «комплимент», — теперь я цедила сквозь зубы, но улыбки не убрала. — И многих женщин вы подобным «покорили»?

— Достаточно, — да он светится от самодовольства. — И не отказался бы еще от одной.

Ну да, ну да! Я уже вижу, но здесь вас ждетдохлый номер. Хотя... Мысль, противная как комар, зазвенела у меня в голове и начала искушать своей невероятной абсурдностью. Но нет, Леонора, держи себя в руках, мы не ищем неприятностей.

— К сожалению, здесь прославленный воин промахнулся. Комплимент неудачный и оскорбил даму вместо того, чтобы сразить наповал!

Да, вот так, мы отвяжемся от герцога и не будем делать того, что задумали.

— Тогда я должен просить прощения у прекрасной дамы, — герцог потянулся к моей руке снова, но я грациозно уклонилась.

— Драконий бог простит, — любезно ответила ему и, обогнув мерзавца, пошла прочь.

Но... недалеко и ненадолго. Ох, я пожалею об этом! Точно пожалею! Но совладать со своей мстительной натурой просто не могу.

Остановившись и эффектно обернувшись к нему полубоком, чтобы дракон оценил всю прелесть моего профиля и фигуры, я сказала:

— Но если что, я люблю эустомы.

И с этим поплыла дальше, включив на максимум очарование эльфийской походки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.